

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. С. ПАШКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Историческіе очерки.

Историческіе этюды.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Цѣна за два тома 4 руб.

старые фокусы: балансировать на носу невыносимыя тяжести и заставлять сотни тысячъ солдатъ топтать ему брюхо... Но не бойтесь ли вы, что дурака когда-нибудь утомятъ эти тяжести, что онъ сброситъ съ себя всѣхъ вашихъ солдатъ или, расшутившись не въ мѣру, такъ придавитъ ваши собственныя головы своимъ мизинцомъ, что мозгъ брызнетъ у васъ до звѣздъ... Не бойтесь, я только шучу. Великій дуракъ пребудетъ вамъ вѣрноподданнически послушенъ, и если бѣ маленькіе дураки захотѣли повредить вамъ, вамъ стоитъ только кивнуть головой — большой дуракъ тотчасъ убьетъ ихъ». (Гейне, изд. П. Вейнберга, VII, 26).

Переполюхъ 1848 г. скоро кончился; конституціи остались только на бумагѣ, и хотя ни въ пятидесятыхъ, ни въ шестидесятыхъ годахъ въ Германіи не было уже такого реакціоннаго террора, какъ въ эпоху франкфуртской и майнцской комиссій, хотя наука, университеты и литература, кромѣ политической, пользовались значительной свободой, хотя конституціонная форма утвердилась во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, но упомянутая реакція, нѣсколько смягченная, впрочемъ, продолжается и до сихъ поръ, и до сихъ поръ реакціонеры играютъ прежнюю комедію, благодаря наивности и невѣжеству «большого дурака», о которомъ говоритъ Гейне.

РАБСТВО ВЪ СИБИРИ.

I.

При столкновеніи двухъ враждебныхъ расъ на извѣстномъ географическомъ пространствѣ, обыкновенно происходитъ слѣдующее явленіе: раса высшая и болѣе сильная подчиняетъ своему господству болѣе слабую — или въ силу своего умственнаго и социальнаго превосходства, или посредствомъ физическаго насилія и завоеванія. Въ первомъ случаѣ подчиненіе происходитъ безъ пролитія крови и опустошеній, неразлучныхъ съ войной; племя дикое и бѣдное мирно поддается вліянію цивилизованной расы, пользуясь благодѣяніями гуманнаго образа жизни, болѣе или менѣе свободныхъ учрежденій и высшаго умственнаго развитія. Въ этомъ случаѣ совершается постепенное сліяніе враждующихъ расъ, и чѣмъ выше цивилизація господствующаго племени, чѣмъ больше добра и счастья она можетъ дать племеню бѣдному и слабому, тѣмъ вѣрнѣе обеспечивается мирное и безобидное подчиненіе ея чужеземному вліянію. Напротивъ, величайшимъ несчастіемъ и страданіями сопровождается тотъ фактъ, когда образованная и высшая раса подпадаетъ подъ господство варварскаго племени, не имѣющаго ничего дать своему покоренному народу, кромѣ рабства и насилія. Когда же приходятъ въ столкновеніе два племени, стоящія почти на одинаковой степени умственнаго и социальнаго развитія, тогда господство одного надъ другимъ утверждается только въ силу физической борьбы, и побѣда остается на сторонѣ болѣе многочисленной или воинственной расы. Это

кровавый путь господства, усѣянный костями и пепломъ истребляемаго племени.

Въ Сибири, какъ въ странѣ, завоеванной такими людьми, которые немногимъ были выше ея туземныхъ полудикихъ племенъ, побѣда господствующей расы была результатомъ войны и всѣхъ ея послѣдствій. Война и рабство шли рядомъ повсюду, гдѣ только соприкасались враждебныя населенія въ этой обширной странѣ. Русскіе явились въ Сибирь, какъ завоеватели, и, кромѣ оружія и эксплуатаціи, не могли ничего принести съ собою въ среду туземныхъ населеній, и потому рабство, существовавшее до нихъ, съ приходомъ ихъ еще болѣе усилилось. Обстоятельства временъ завоеванія, замиренія и колонизаціи этой страны вплоть до начала XIX в. заставляли сибиряка обращать инородца въ неволю, которая наконецъ должна была сдѣлаться однимъ изъ главныхъ орудій подчиненія враждебныхъ племенъ. Конечно, если бы вмѣсто русскихъ въ Сибирь пришли люди болѣе развитые въ социальномъ отношеніи, то они обошлись бы и безъ невольничества. Но тогдашніе русскіе, вскормленные молокомъ крѣпостнаго права, съ молодыхъ ногтей привыкшіе ко всякаго рода безобразнымъ насиліямъ и смотрѣвшіе на всѣхъ инородцевъ, какъ на еретиковъ и людей отверженныхъ, были сами рабами и нисколько не возмущались этимъ положеніемъ. А уважать человеческое достоинство и свободу другихъ можетъ только тотъ человѣкъ, который самъ никогда не носилъ цѣпей рабства. Понятно, что если у завоевателей и колонизаторовъ Сибири не было такой нравственной силы, то они необходимо должны были водворять рабство вездѣ, гдѣ только ступала нога ихъ.

Прежде всего русскимъ нужны были женщины, и вотъ они обращаютъ въ рабство инородокъ, дѣлаютъ ихъ своими наложницами-женами и рабами-хозяйками. Еще патріархъ Филаретъ вооружался противъ того, что русскіе въ Сибири отнимаютъ у инородцевъ ихъ женъ и дочерей и живутъ съ ними, съ некрещеными и невѣнчанными, какъ съ женами. Но, не смотря на подобныя запрещенія, обычай брать въ жены и наложницы инородческихъ рабынь продолжалъ существовать вплоть до времени окончательнаго замиренія Сибири въ концѣ XVIII в. Покоряя немирныхъ или усмиряя бунтовавшихъ инородцевъ, русскіе обыкновенно брали въ полонъ ихъ женщинъ и раздѣляли съ ними свое ложе или продавали для этого другимъ. Такъ, напр., въ приенисейскихъ странахъ казаки похищали красавицъ качинскихъ, тубинскихъ, киргизскихъ и другихъ. Галкинъ овладѣваетъ женою кетскаго князя Теленеха; жена киргизскаго князя Ижиня также достается побѣдителю; дружина воеводы Дубенскаго захватываетъ женъ и дочерей бурятскихъ и т. д. Эти захваты инородческихъ женщинъ совершались не въ одно только военное время, а также и въ мирное. Воеводы, ихъ чиновники, казаки, стрѣльцы, — всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, во время своихъ разъѣздовъ по стойбищамъ инородцевъ, не только «имали къ себѣ» ихъ женъ

щинъ ради кратковременнаго блуднаго воровства, но часто завладѣвали ими вовсе, и, увозя съ собою, пользовались ими сами или продавали ихъ другимъ. Сладострастное и развращенное населеніе старинной Сибири съ самаго своего появленія въ этой странѣ водворило здѣсь обычай многоженства ¹⁾. Женщинъ требовалось много, а русскихъ женщинъ было чрезвычайно мало, и сибиряки поневолѣ должны были составлять свои гаремы изъ инородокъ, захваченныхъ на войнѣ или просто отнятыхъ въ мирное время. Наложницъ было по нѣскольку даже у каждаго простого казака; онѣ сплошь и рядомъ продавались и закладывались рублемъ въ 10—20 ²⁾. При покореніи и первомъ заселеніи Камчатки, завоеватели приобрѣли множество рабовъ, состоящихъ преимущественно изъ женщинъ, которыя были обязаны улаживать своихъ господъ въ качествѣ наложницъ ³⁾. То же самое дѣлали служилые люди всѣхъ другихъ мѣстностей Сибири. Доставать инородокъ было очень легко, — стоило только вооруженной партіи отправиться въ стойбище дикарей и, выбравъ тамъ молодыхъ женщинъ, увести ихъ съ собою, а если бы этому вздумали сопротивляться ихъ мужья и родственники, то развѣ трудно было русскому человѣку умирить ихъ пулей, саблей или просто кнутомъ! И вотъ, если русскому надоѣдала старая наложница, то онъ прогонялъ ее и добывалъ другую; если ему нужны были деньги, онъ часто продавалъ жену, а когда разживался средствами, то или покупалъ себѣ новую, или просто даромъ бралъ ее изъ инородческаго улуса; если онъ былъ человѣкъ практичскій и если на мѣстѣ его жительства былъ сильный запросъ на женщинъ, то онъ набиралъ нѣсколько инородокъ и пускалъ ихъ въ торговый оборотъ. Такъ поступали даже простые, служилые и торговые люди, и само собою понятно, что воеводы и другіе значительные чиновники, самовластно царившіе въ тущобахъ отдаленной Сибири, могли имѣть гораздо больше наложницъ и вести болѣе обширную торговлю женщинами, чѣмъ подчиненные имъ люди. Дѣйствительно, историческіе акты полны свидѣтельствъ, что воеводы постоянно отнимали у инородцевъ ихъ женъ, дочерей, работниковъ, родственниковъ и дѣлали ихъ своими наложницами или на время «имали ихъ къ себѣ на постель для блуднаго воровства». Эти женщины иногда дарились воеводамъ въ видѣ взятки торговыми и служилыми людьми; а чаще воеводы сами, или черезъ своихъ довѣренныхъ агентовъ, разнюхивали, гдѣ есть хорошенькая женщина, и воровали ее или отнимали открытою силою. Нѣкоторые изъ нихъ содержали цѣлыя гаремы. Но воеводы не довольствовались захватомъ инородокъ для своей личной потребности, а набирали ихъ также и для продажи. Отнимая у инород-

цевъ женъ, дочерей и родственницъ, воеводы продавали ихъ для брака и наложничества русскимъ или инородцамъ же ¹⁾, безсознательно подражая въ этомъ отношеніи королямъ Дагомеи, которые продаютъ своимъ подданнымъ въ жены рабынь, добытыхъ путемъ войны или покупки. Продажа женщинъ, какъ воеводами, такъ и людьми другихъ состояній, какъ ихъ мужьями и родственниками, такъ и ихъ господами, не прекращалась въ Сибири вплоть до конца прошедшаго столѣтія ²⁾. Цѣны этихъ продажныхъ женъ и наложницъ видоизмѣнялись, сообразно съ обстоятельствами мѣста и времени, съ возрастомъ и достоинствомъ товара. Въ первое время русскаго владычества инородческая взрослая женщина стоила вообще отъ 10 до 20 рублей. Впрочемъ, цѣну какъ рабовъ, такъ и другихъ товаровъ, ходившихъ въ старинной Сибири, часто довольно трудно опредѣлить въ точности, ибо въ большинствѣ случаевъ товары мѣнялись, а не продавались на деньги. Вотъ, напр., въ Охотскѣ умеръ казакъ Алексѣй Константиновъ и оставилъ послѣ себя свою покупную наложницу, некрещенную дѣвку Лаврукъ. Ею завладѣлъ приказный Ярыжкинъ и продалъ ее тунгусу Кеванію за 10 соболей да 10 красныхъ лисицъ, а послѣдній перепродалъ ее другому тунгусу за 7 соболей, 4 пластины собольи и 10 красныхъ лисицъ ³⁾. Кромѣ взрослыхъ и способныхъ къ половому акту инородокъ, сибиряки покупали несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и воспитывали ихъ до возраста возмужалости, и уже тогда дѣлали ихъ своими наложницами, или же тотчасъ послѣ покупки растлевали ихъ; какъ во всякомъ сильно развращенномъ обществѣ, такъ и въ старинно-сибирскомъ, растленіе малолѣтнихъ было зломъ самымъ обыкновеннымъ. Цѣна упомянутыхъ дѣвочекъ была очень незначительна; въ березовскомъ краѣ, напр., семилѣтняя остячка стоила не дороже 20 копѣекъ; и это не было minimum'омъ цѣны! ⁴⁾.

Вмѣстѣ съ продажей женщинъ для брака и наложничества въ старинной Сибири существовалъ возмутительный обычай отдавать женщину на временное пользованіе, или въ кортомъ. Этотъ обычай былъ въ ходу и у русскихъ, и у инородцевъ; дикари, живущіе въ бывшихъ владѣніяхъ Россійско-Американской Компаніи, удержали его до сихъ поръ ⁵⁾. (Если владѣлецъ инородки-наложницы уѣзжалъ куда-нибудь и не хотѣлъ или не могъ взять ее съ собою; если онъ нуждался въ деньгахъ, или просто она надоѣдала ему и онъ не хотѣлъ бросить ее даромъ, — то онъ предлагалъ ее желающему за извѣстную плату, на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго онъ могъ получить ее обратно ⁶⁾). Такія наложницы назывались тогда *кортомными дѣвками*. Отдача въ кортомъ была, конечно, очень выгодна для рабовладѣльцевъ, но

¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор., т. VIII, стр. 69.

²⁾ См. мои Очерки нравовъ въ старинной Сибири, Отечеств. Записки, 1867 г., кн. XX, стр. 684.

³⁾ Доп. къ Акт. Ист., т. VII, стр. 286.

⁴⁾ Словцовъ, т. II, стр. 91.

⁵⁾ См. мою статью о Р.-А. Комп., газета «Очерки» 1863 г., № 58—61, и ниже, въ концѣ этого тома.

⁶⁾ Миллеръ, т. II, стр. 412.

¹⁾ См. объ этомъ мои Очерки нравовъ въ старинной Сибири, Отечеств. Записки, 1867 г. Книжки 20—22.

²⁾ Миллеръ, Исторія Сибири, ч. II, стр. 412 въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, 1764 г.

³⁾ Крашенинниковъ, «Описаніе Камчатки», т. II, стр. 244.

промыселъ публичнаго разврата былъ еще выгоднѣе. И вотъ рабовладѣльцы пускаютъ на этотъ промыселъ своихъ невольницъ, иногда даже формируютъ изъ нихъ цѣлые публичные притоны. Воеводы не разъ «отдавали помѣсячно безмужнихъ женъ на блудъ» и заводили дома терпимости¹⁾; невольницы - инородки составляли значительную часть населенія этихъ убѣжищъ разврата и, конечно, доставляли своимъ хозяевамъ немалые барыши.

Итакъ, закабаленіе инородковъ для паломничества и брака имѣло своею цѣлью не одно только удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ, а также и коммерческій барышъ. Не говоря уже о торговлѣ женщинами, объ отдачѣ ихъ въ кортомъ и на промыселъ разврата, самое содержаніе женщины для паломничества также приносило существенныя выгоды рабовладѣльцу, доставляя ему разомъ и самку, и даровую работницу. Эти невольницы, вмѣстѣ съ другими рабами, составляли низшій, рабочій классъ старинной Сибири, — классъ, созданный экономической необходимостью. Проходя обширныя и пустынные страны отъ Урала до водъ Тихаго океана, прочищая дороги, строя гати на вязкихъ, невысыхающихъ болотахъ, воздвигая крѣпости и острожки, доставляя изъ Россіи провіантъ и исполняя другія общественныя работы, русскіе пользовались въ обширныхъ размѣрахъ силами инородцевъ, стѣняя на работы цѣлые улусы этихъ *государственныхъ рабовъ*, на которыхъ лежали невыносимыя государственныя повинности. Но эти общественныя работы не въ такой сильной степени привлекали къ себѣ силы инородцевъ, какъ работы частныя; первыя, кромѣ инородцевъ, отправлялись еще множествомъ лицъ другихъ состояній и русскаго происхожденія: каторжниками, гулящими людьми и т. д. Для казенныхъ нуждъ почти всегда находилось довольно русскихъ работниковъ; для частно-хозяйственнаго труда ихъ было мало. Народонаселеніе старинной Сибири вело бродячую жизнь, искрещивая эту страну по всемъ направленіямъ, покоряя и умиряя инородцевъ, извѣдывая новыя страны, охотясь за дорогими звѣрями и т. д. Почти все русскія силы были отвлечены трудами завоеванія и звѣроловства. Люди, которые при другихъ обстоятельствахъ были бы домашними слугами и работниками, тогда ждали только перваго случая, чтобы присоединиться къ какой-нибудь завоевательной партіи, или, закинувъ за плечи винтовку, отправлялись въ далекую тайгу на добычу соболя и бѣлки. Прибавьте къ этому чрезвычайную малочисленность русскаго населенія Сибири, и вы поймете причину тѣхъ постоянныхъ жалобъ на недостатокъ прислуги и работниковъ, которыя слышатся во все періоды сибирской исторіи. Между тѣмъ, въ старину рабочихъ рукъ требовалось сравнительно гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, потому что, при чрезвычайной малочисленности рабочаго скота, особенно лошадей, работы, отправляемыя нынѣ посредствомъ животныхъ, когда совершались человѣческой силой. Купецъ,

тапимѣръ, обѣзжалъ инородческія стойбища, разсѣянные по обширной тайгѣ, не на лошадахъ, а *нартною тягою*, т. е. и самъ купецъ, и его товары возились на небольшихъ санкахъ, называемыхъ въ Сибири нартами, и, вмѣсто лошадей, эти нарты тянулись людьми. Посредствомъ нартной тяги передвигались иногда цѣлые обозы, и казенные, и частные; иногда тѣмъ же способомъ отправлялась почтовая гоньба на цѣлыя сотни верстъ. Кромѣ того, большой, главный трактъ Сибири, по неустройству дорогъ и малочисленности лошадей, былъ водный, и для сплава судовъ вверхъ по рѣкамъ употреблялись также люди, тянувшіе суда бичевой. Къ этому нужно прибавить еще домашнія работы, для которыхъ русскихъ работниковъ также было чрезвычайно мало. Гдѣ же могъ найти сибирякъ рабочія руки, какъ не въ инородческихъ улусахъ, и неужели могъ онъ держаться вольно-наемнаго труда, когда силами и личностью инородца онъ могъ пользоваться совершенно даромъ, обративъ его въ рабство!

Экономическая необходимость рабства и расположенность къ нему русскаго населенія Сибири были такъ сильны, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій законъ, повидимому, ограждавшій инородца отъ насилія, былъ принужденъ уступить самой жизни, и рабство было признано и получило съ этого времени особенно сильное, сравнительно съ предыдущимъ вѣкомъ, развитіе. Оба эти періода я разсмотрю отдѣльно, тѣмъ болѣе, что о послѣднемъ изъ нихъ я имѣю довольно данныхъ, притомъ болѣею частью новыхъ, между тѣмъ, какъ историческія свидѣтельства о невольничествѣ до XVIII вѣка очень недостаточны. И неполнота моего очерка кладетъ вину отнюдь не на мою небрежность въ изслѣдованіи источниковъ, а лишь на скудость послѣднихъ.

Мы уже сказали выше, что рабство есть неизбежный спутникъ войны. Покоряя инородцевъ «*въ вѣчное великому государю холопство*», обращая ихъ въ государственную кабалу, завоеватели захватывали обыкновенно много плѣнниковъ или *асырей* и дѣлали ихъ своими личными рабами. Русскіе брали преимущественно женщинъ и дѣтей, такъ какъ мужчины или не давались живыми въ руки, или обращались въ бѣгство, бросая свои семейства на произволъ судьбы; да и приучить къ рабству и ко всему, сопряженному съ нимъ лишеніямъ было гораздо легче женщину и ребенка, чѣмъ взрослого дикаря, привыкшаго къ извѣстной личной свободѣ, которая допускалась условіями его быта и которой онъ вовсе не могъ имѣть въ неволѣ у русскаго человѣка. Плѣнники забирались почти при каждомъ походѣ, и нерѣдко цѣлыми толпами. Такъ, въ 1596 г., во время похода на башкирцевъ, принадлежавшихъ къ уфимскому улѣду, русскіе взяли много плѣнниковъ, нѣкоторые изъ нихъ были казнены, а большинство распродано въ рабство по сибирскимъ городамъ¹⁾. При походѣ енисейскаго воеводы Хрипунова въ бурят-

¹⁾ Акты Историч., т. IV, стр. 183.

¹⁾ Миллеръ, т. II, стр. 6.

скую землю въ 1628 г., его команда вывела въ Енисейскъ нѣсколько бурятскихъ плѣнниковъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, всего 21 человекъ. Въ то же время на буряты ходили красноярцы, и также вернулись домой съ бурятскими невольниками¹⁾. Томскіе и красноярскіе служилые, постоянно воевавшіе въ XVII вѣкѣ съ енисейскими киргизами, часто разоряли ихъ жилища, угоняли скотъ, а женъ и дѣтей уводили въ рабство²⁾. Это продолжалось вплоть до XVIII столѣтія, когда калмыки выгнали киргизовъ съ верховьевъ Енисея. Въ 1704 г. на киргизовъ, кочевавшихъ на Божьихъ Озерахъ, ходилъ томскій казачій голова, Ципуринъ, съ командою въ 738 человекъ. Въ битвѣ съ казаками пало убитыми 113 киргизовъ и татаръ, а въ плѣнъ уведено 237 человекъ обоихъ пола³⁾. Въ 1632 г. «Божіею милостью» тобольскіе и тарскіе служилые люди ходили на калмыковъ, побили ихъ и вернулись въ Тару съ плѣнными невольниками⁴⁾. Въ 1680 г. сынъ боярскій, Леонтій Трифоновъ, ходилъ на немирныхъ тунгусовъ «и на бою взялъ онъ 10 робятъ мужескаго пола, да 20 дѣвокъ, да 10 бабъ⁵⁾. Даже на отдаленныхъ берегахъ Амура, въ странѣ «свирѣпыхъ дауровъ», болѣе воинственныхъ и болѣе имѣвшихъ счастья въ борьбѣ съ русскими, послѣдніе захватывали множество плѣнниковъ. Походъ Хабарова, напримѣръ, былъ рядомъ побѣдъ надъ даурами, и почти при каждой битвѣ, почти при каждомъ нападении на инородческіе улусы русскіе хватали ясырей. Въ 1652 г., «2 іюня, — пишетъ Хабаровъ, — подѣлавъ суды большія и малыя и прося у Бога милости, поплыли мы изъ Албасина» и черезъ два дня доплыли до юртъ, изъ которыхъ «даурскіе люди всѣ уѣхали, и мы лишь только схватили ясыря, даурскую бабу»... Взявъ, послѣ ожесточеннаго штурма, три укрѣпленія князей Олгемзы и Латодія, русскіе дауровъ въ пень порубили 641 человекъ, большихъ и малыхъ, а ясырю взято бабъ поголовно старыхъ и молодыхъ, и дѣвокъ 243, да мелкаго ясырю, ребенковъ 118 человекъ». Въ улусахъ Балдачана и Толги «ясырей перемано 170, окромѣ малыхъ робятъ»... Плывая дальше, «проплыли 21 улусъ, а въ послѣднихъ улусахъ языковъ иныхъ имали, иныхъ рубили, и ясырь хватали. И на другой деньплыли все улусами же до устья Шингала, и начали ясакъ прошать, и они намъ отказали и мы ясырь ихъ мужиковъ похватили и многихъ людей побили. И поплыли внизъ по Амуру, и, плывя два дня да ночь, всѣ улусы громили и людей побивали, и ясырь имали. Иплыли семь дней отъ Шингалу, — все улусы больше, юртъ по 70 и 80, и мы ихъ въ пень рубили, а женъ и дѣтей ихъ имали и скотъ», и т. д. Словомъ, хабаровцы нахватывали столько плѣн-

никовъ, что множество ихъ выпускали на волю даже безъ всякаго выкупа¹⁾. Часто русскіе съ такою рѣшительностью охотились за инородцами во время своихъ походовъ противъ нихъ, что это доводило дикарей до открытаго бунта. Такъ, захваты женъ и дѣтей енисейскихъ киргизовъ и обращеніе ихъ въ рабство были главною причиною того, что киргизы свергли принятое уже ими русское подданство и слѣдвали заклѣтыми врагами не только русскимъ, но даже и тѣхъ инородцевъ, которые мирно жили подъ ярмомъ воеводъ и казаковъ²⁾. И нужно замѣтить, что военные походы и почти неразлучное съ ними захватыванье инородцевъ въ полонъ совершались не только противъ непокорныхъ или бунтовскихъ, но часто и противъ совершенно мирныхъ дикарей. За сборомъ ясака и за ясырями на однихъ и тѣхъ же инородцевъ, сплошь и рядомъ, набѣгали нѣсколько разныхъ партій изъ совершенно разныхъ городовъ. Вотъ, напр., къ котовскому князьку, Темсенеку, приходитъ казакъ, Михайло Шоринъ, за покупкой соболей, но Темсенекъ не имѣлъ продажныхъ, и Шоринъ ушелъ ни съ чѣмъ. Черезъ два мѣсяца атаманъ Галкинъ, вмѣстѣ съ Шоринымъ и другими казаками, напалъ на стойбище Темсенека, разграбилъ юрты, убилъ двадцать человекъ и увелъ много захваченныхъ плѣнниковъ, въ особенности женщинъ и дѣтей³⁾. Или вотъ, на покорившихся уже русскимъ бурятамъ приходятъ одна за другой партіи изъ разныхъ городовъ, и каждая партія, въ свою очередь, разоряетъ улусы, отгоняетъ скотъ, уводитъ въ полонъ женщинъ и дѣтей. Буряты перестали платить ясакъ и начали долгую, кровавую борьбу противъ завоевателей. Они говорили русскимъ: «отъ одного де государя приходятъ къ намъ двои люди, одни де верхоленскіе служилые люди подъ государеву царскую высокую руку приводили и ясакъ на государя брали, а другіе люди, отъ государя жъ пришедши на насъ войною, насъ побиваютъ, а женъ и дѣтей въ полонъ имаютъ, — и намъ какъ подъ государевой высокою рукою быть!»⁴⁾ Открывая военныя дѣйствія противъ совершенно мирныхъ инородцевъ, русскіе тѣмъ съ большею беззастѣнчивостью и жестокостью дѣйствовали противъ возмущившихся или готовившихся къ бунту дикарей. Самый терминъ, которымъ обозначались эти дѣйствія, обрисовываютъ ихъ варварскій характеръ, — тогда говорили не *усмирять* *измѣнниковъ*, а *искоренять* *измѣнниковъ*. Но искоренялись только мужчины, а женщины и дѣти уводились въ рабство. При многочисленности инородческихъ бунтовъ, при томъ обстоятельствѣ, что воеводы иногда сами сочиняли небывалые заговоры и бунты, съ цѣлью пріобрѣсть благовидный предлогъ для враждебныхъ дѣйствій противъ дикарей⁵⁾, число инородцевъ, взятыхъ въ плѣнъ и обращенныхъ въ рабство, было очень значительно, особенно

¹⁾ Фишеръ, стр. 247—249.

²⁾ Ibid., стр. 294.

³⁾ Древности и достопамятности Сибири, въ «Сибирск. Вѣстникѣ» 1822 г.

⁴⁾ А. И. т. III, стр. 314.

⁵⁾ Д. къ А. И., т. VII, стр. 391.

¹⁾ Д. къ А. И., т. III, стр. 359—364.

²⁾ Фишеръ, стр. 294.

³⁾ Миллеръ, II, стр. 306.

⁴⁾ Д. къ А. И., т. III, стр. 22—23.

⁵⁾ См. напр. Д. къ А. И., т. IV, стр. 297—313.

въ XVIII столѣтіи, какъ мы это увидимъ во второй и четвертой главахъ настоящей статьи.

Кромѣ обращенія въ рабство плѣнниковъ, взятыхъ или во время покоренія немирныхъ племенъ, или при усмирении бунтовщиковъ, сибиряки всѣхъ сословій и состояній, начиная отъ воеводъ и кончая послѣднимъ купчишкой, захватывали для той же цѣли дикарей совершенно мирныхъ и ни въ какихъ бунтовскихъ замыслахъ невиноватыхъ. Во время своихъ разъѣздовъ по инородческимъ стойбищамъ или во время пріѣзда дикарей въ русскія поселенія, сибиряки отнимали у инородцевъ ихъ женщинъ, дѣтей и другихъ лицъ, которыхъ они желали обратить въ рабство. Въ актахъ того времени постоянно говорится, что въ Сибири разные служилые, торговые и промышленные люди «у инородцевъ насильствомъ женокъ, дѣвокъ и ребятъ имали и у себя держали» въ рабствѣ *). Въ березовскомъ краѣ, напр., ясачные сборщики захватывали инородцевъ и увозили ихъ съ собою подъ предлогомъ рекрутства или обученія въ школы и обращали ихъ въ рабство **). Въ Камчаткѣ и другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Сибири, у покоренныхъ инородцевъ казаки силою отбирали «довольное число женщинъ и малолѣтнихъ, которыхъ раздѣляли между собою, владѣли ими, какъ холопами. Для присмотра за холопами употребляли они своихъ невольницъ, ихъ холопей же, на которыхъ они, по прижитіи дѣтей, большею частію и женивались» ***). Въ Томскѣ воеводы часто захватывали и держали въ неволѣ киргизовъ, пріѣзжавшихъ въ ихъ городъ съ торговыми цѣлями, для взноса ясака или для переговоровъ съ начальствомъ о своихъ дѣлахъ ****). Якутскіе воеводы дѣлали то же самое съ якутами, забайкальскіе и иркутскіе съ бурятами, енисейскіе, тобольскіе и березовскіе съ самоедами, остяками и татарами. Личность самыхъ мирныхъ дикарей никогда и ничѣмъ не была обезпечена отъ насильнаго захвата ихъ въ неволю. Мирно спятъ инородцы въ своихъ юртахъ около пылающихъ костровъ. Но вотъ начинается лай сторожевыхъ собакъ и слышны голоса подъѣзжающихъ людей. Одного русскаго звука достаточно, чтобы привести въ смятеніе и испугъ весь улусъ. Всѣ вскакиваютъ и торопливо готовятся къ приему, хотя непрошенныхъ, но очень взыскательныхъ гостей; одни метутъ юрту, другіе готовятъ кушанье и постели, а дѣвушки, женщины и мальчики стараются куда-нибудь скрыться отъ ненасытныхъ взоровъ казаковъ. Войдя въ юрту, гости ставятъ въ ней все вверхъ дномъ, — отнимаютъ у дикарей мѣха, оленей, платье и т. д. И если только имъ нужны наложницы или рабы, то они отбираютъ у инородцевъ ихъ женщинъ и дѣтей и, связанныхъ, увозятъ ихъ съ собою. Еще большей опасности под-

вергались дикари во время своихъ пріѣздовъ въ города и остроги; захватить ихъ тутъ было гораздо легче, чѣмъ въ ихъ стойбищахъ, и не разъ случалось, что русскіе заманивали къ себѣ инородцевъ подъ предлогомъ мирныхъ цѣлей, грабили ихъ и захватывали въ неволю. На этихъ захваченныхъ рабовъ сибиряки составляли даже форменныя купчія, выставя подложнаго продавца, будто бы уступившаго ихъ. Но большею частію такихъ фальшивыхъ формальностей вовсе не требовалось; въ тогдашней Сибири, въ силу круговой мошеннической поруки всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ обывателей, царилъ одно только право сильного, и захваченнаго въ рабство инородца русскій человекъ могъ держать до тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ средства удерживать его въ неволѣ.

Разные способы военнаго и мирнаго захвата инородцевъ всегда были главнымъ средствомъ, доставлявшимъ Сибири ея невольниковъ. И замѣчательно, что во второй половинѣ XVIII столѣтія русское законодательство положительно запрещало насильственное обращеніе инородцевъ въ рабство. Ясырей, которыхъ обращали въ неволю болѣе всего, законъ обыкновенно предписывалъ вносить въ росписи и предъявлять эти росписи вмѣстѣ съ самими ясырями въ съѣзжей избѣ воеводѣ ¹⁾. Чтобы отъ выполненія этого правила сибиряки не могли уклониться, полагалось посылать особыхъ надсмотрщиковъ въ уѣзды и на дороги, ведущія изъ инородческихъ стойбищъ, чтобы у возвращавшихся отъ инородцевъ ясачныхъ сборщиковъ, торговыхъ и промышленныхъ людей переписывать всю рухлядь, «да у нихъ же переписывать ясыри мужского полу и женскаго, а переписавъ вмѣстѣ, имъ самимъ воеводѣ явиться и ясыри объявить» ²⁾. Эти явленные ясыри оставались, по закону, у захватившихъ ихъ лицъ только на время, а для законнаго закрѣпленія ихъ за собою, взявшіе ихъ въ плѣнъ должны были ходатайствовать передъ правительствомъ, подавъ просьбу на высочайшее имя. Но эти просьбы рѣдко подавались и еще рѣже исполнялись. Законъ прямо говорилъ, что если инородцы будутъ просить «полоняниковъ своихъ на выкупъ, и если полоняники не крещены, то тотъ полонъ велѣтъ сыскивать и на окупъ инородцевъ отдавать, чтобъ сибирская земля не пустѣла и чтобъ ясачныхъ людей отъ государя не отгоняти и тѣмъ не ожесточати» ³⁾. И обыкновенно бывало такъ, что плѣнниковъ разводили по разнымъ мѣстамъ, затѣмъ инородцы начинали хлопотать объ ихъ возвращеніи, и правительство предписало отобрать и возвратитъ плѣнниковъ, гдѣ бы и у кого бы они ни были. То же самое правило соблюдалось даже относительно полоняниковъ, взятыхъ у бунтовавшихъ, но потомъ принесшихъ повинную инородцевъ. Такъ, напр., въ 1638 г. служилые люди, посланные изъ Тары и Тобольска

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, т. III, стр. 353; А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 453; Д. къ А. И., т. III, стр. 315; т. VIII, № 69, и др.

²⁾ Словцовъ, т. II, стр. 93.

³⁾ Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки, т. II, стр. 244.

⁴⁾ Фишеръ, стр. 294.

¹⁾ Д. къ А. И., т. III, стр. 26.

²⁾ А. И., т. IV, стр. 519.

³⁾ П. С. З., т. III, стр. 353; А. И., т. III, стр. 221; Д. къ А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 113 и др.

противъ возмущившихся калмыковъ, нахватали ясырей и привели ихъ въ Тару, изъ которой тобольскіе и тарскіе служилые люди и татары «продавали тотъ ясырь сибирскимъ служилымъ людямъ, которые шли отъ соляныхъ озеръ». Въ слѣдующемъ году калмыки принесли повинную и предложили обмѣнять находившіяся въ Сибири ихъ ясырь на взятыхъ ими русскихъ плѣнниковъ. «И писано изъ Тобольска на Тару и въ иные сибирскіе города, а велѣно тотъ ясырь для размѣну сыскивать и учинити заказъ крѣпкой: у кого есть того погрому ясырь калмыцкій, и тѣ бѣ люди тотъ ясырь являли, а у себя бѣ того ясырю не таили и не крестили, и не продавали»¹⁾. Но этихъ постановленій въ Сибири почти вовсе не исполнялось. Служилые люди распродавали ясырей, покупатели развозили ихъ по разнымъ мѣстамъ Сибири и даже Россіи; приходилъ указъ объ освобожденіи плѣнниковъ и возвращеніи ихъ родичамъ, власти начинали разыскивать ихъ, но иногда дѣйствительно никакъ не могли найти, а иногда, будучи подкуплены рабовладѣльцами, скрывали рабовъ и доносили, что ихъ не найдено. Такъ, напр., въ 1652 г. Красноярскій воевода Бунаковъ посылалъ войною на бурятъ Красноярскихъ служилыхъ, которые на р. Окѣ погромили юрты бурята Долона и взяли въ полонъ его дочь. Въ то же время другая Красноярская партія, бывшая подъ предводительствомъ сына Бунакова и состоявшая, кромѣ русскихъ, изъ разныхъ татаръ Красноярскаго уѣзда, погромила бурятскіе улусы, а женщинъ и дѣтей увезла въ рабство. Когда буряты смирились, то енисейскій воевода, Пашковъ, предписывалъ Красноярскому возвратитъ бурятамъ всѣхъ плѣнниковъ, особенно же Долонову дочь. Но Красноярскій воевода донесъ, что Долоновой дочери нигдѣ не отыскано, а всѣхъ другихъ плѣнниковъ татары развозили по разнымъ землямъ²⁾. Иногда, сдѣлавъ походъ и нахватавъ плѣнниковъ, русскіе, когда указъ требовалъ отъ нихъ возвращенія плѣнниковъ, шли въ отпоръ и отвѣчали, что никогда никакихъ ясырей они не полоняли. Такъ, въ 1596 г., во время похода на уфимскихъ башкирцевъ, тюменцы привели съ собою много плѣнниковъ и распродали ихъ въ рабство по сибирскимъ городамъ. Уфимскій воевода Нагой донесъ объ этомъ въ Москву; изъ Москвы велѣли тюменцамъ выдать плѣнниковъ, но тюменцы отъ всего отперлись³⁾. Та же самая судьба постигла и тѣ указы, которыми запрещался захватъ мирныхъ инородцевъ и обращеніе ихъ въ рабство. Въ наказахъ воеводамъ Сибири постоянно повторяется, чтобы русскіе сибиряки не осмѣливались ясачныхъ иноземцевъ *имати* къ себѣ⁴⁾. Это запрещеніе въ разныхъ варіаціяхъ повторяется въ теченіе всего XVII и даже въ началѣ XVIII в. А такъ какъ это зло продолжало существовать, не смотря на указы, то послѣдніе по временамъ нѣсколько измѣняли свою форму, предписывая не

воздержаніе отъ захвата инородцевъ въ рабство, а освобожденіе захваченныхъ и закрѣпленныхъ уже невольниковъ. Такъ, въ высочайшемъ указѣ 31 мая 1733 года говорится: «въ отдаленныхъ нашихъ владѣніяхъ, въ Якутскомъ вѣдомствѣ и на Камчаткѣ, какъ отъ воеводъ, такъ и отъ ясачныхъ сборщиковъ, чинится ясачнымъ подданнымъ нашимъ отъ взятокъ многое раззореніе, наипаче же приметками своими женъ и дѣтей отнимаютъ и развозя продаютъ... Которые изъ этихъ ясачныхъ неволею побраны и распроданы, изъ тѣхъ, кои не приняли вѣры христіанской и не крещены, отпустить въ прежнія мѣста»¹⁾. Нужно замѣтить, что древне-русская ревность о православіи не позволяла и думать о возвращеніи въ родные улусы тѣхъ невольниковъ, которые во время плѣна приняли добровольно, или насильно русскую вѣру. Сначала вошло въ мѣстный обычай, а потомъ и въ законъ, возвращать инородцамъ только тѣхъ ясырей, которые не были крещены. По всей вѣроятности, въ созданіи этого правила участвовало не одно только благочестивое чувство христіанина, а также корыстный, совершенно оскорбительный для религіи, расчетъ рабовладѣльца; во всякомъ случаѣ, въ старинной Сибири пользовались этимъ правиломъ для того, чтобы укрѣпить въ рабской зависимости извѣстныхъ инородцевъ. Плѣнниковъ русскіе обыкновенно крестили, чтобы сдѣлать невозможнымъ ихъ освобожденіе. *Крещеніе въ неволю* дикарей было чрезвычайно распространено въ Сибири, и долго считалось средствомъ, дающимъ крестителю полное право собственности на окрещеннаго имъ; креститель владѣлъ такимъ рабомъ, продавалъ его, оставлялъ въ наслѣдство по завѣщанію. Вотъ, напр., въ 1693 г. въ Нерчинскѣ передъ воеводою билъ челомъ государямъ казакъ, Васька Хамунъ, а въ челобитной его написано: «въ прошломъ де 200 (1692 г.) году нерчинскій пѣшій казакъ, Бориско Игнатьевъ, волею божею умре, а отходя сего свѣта, въ духовной своей написалъ сына своего крестнаго муральской породы, Ваську Борисова, въ Троицкій монастырь на усть-Тунгуски рѣки». Хамунъ просилъ воеводу дать монастырю актъ на владѣніе этимъ мальчикомъ, и воевода писалъ монастырю въ заключеніи своей *памяти*, «какъ къ вамъ ея память придетъ, и новокрещенный Васька Борисовъ въ монастырь къ вамъ пріѣдетъ, и вамъ тѣмъ парнемъ, Ваською, владѣть по духовной и по сей памяти владѣть вѣчно невозбранно»²⁾. И подобные акты совершались сплошь и рядомъ, въ то время, какъ изъ Москвы насылались законы, запрещавшіе «всякимъ людямъ» крестить инородцевъ, «чтобъ сибирская земля пространѣлась, а не пустѣла». Инородцевъ же, крестившихся въ неволѣ, велѣно было устраивать въ службу, «а женокъ и дѣвокъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, а у себя тѣхъ иноземцевъ крещеныхъ держать не велѣти»³⁾.

¹⁾ А. И., т. III, стр. 314.

²⁾ Д. къ А. И., т. VI, стр. 387.

³⁾ Миллеръ, т. II, стр. 9; Фатеръ, стр. 221.

⁴⁾ П. С. З., т. III, стр. 353.

¹⁾ П. С. З., т. IX, стр. 132.

²⁾ А. И., т. V, стр. 378.

³⁾ П. С. З., т. III, стр. 356; А. И., т. III, стр. 221, т. IV, стр. 453; Д. къ А. И., т. II, стр. 273; т. IV, стр. 113.

Подобно всѣмъ другимъ ограниченіямъ и запрещеніямъ невольничества, эти законы были гласомъ вопиющаго въ пустынь, и почти вплоть до окончательнаго уничтоженія рабства, сибирякъ водилъ инородца къ купели крещенія и налагалъ при ней цѣпи рабства на окрещенныхъ имъ дикарей.

Наконецъ рабы приобрѣтались путемъ закабаленія инородцевъ и путемъ торговли. Въ своихъ статьяхъ о нравахъ Сибири¹⁾, объ инородцахъ въ XIX вѣкѣ²⁾ и о русско-американской компаніи³⁾, я, надѣюсь, съ достаточною ясностью показалъ, что народонаселеніе Сибири, съ самаго завоеванія ея русскими и вплоть до нашихъ дней, раздѣлялось въ экономическомъ отношеніи на два главныхъ класса, на рабскій классъ изъ невольниковъ и лицъ закабаленныхъ, классъ самый многочисленный и состоявшій преимущественно изъ инородцевъ, и на зажиточный классъ рабовладѣльцевъ-кабалителей. Большинство инородцевъ находится въ кабальной зависимости у русскаго народонаселенія; но въ настоящее время эта зависимость поддерживается только неумолимою экономической необходимостью; прежде же, крѣпкія и безъ того, цѣпи экономической кабалы дополнялись еще юридическими актами, закрѣплявшими кабалниковъ въ неволѣ у ихъ кабалителей. Закабаленные такимъ образомъ инородцы встрѣчались въ старинной Сибири на каждомъ шагу и были еще многочисленнѣе, чѣмъ рабы въ тѣсномъ значеніи слова. Каждый голодъ, каждое разореніе отъ казачьяго погрома, каждый неуловъ звѣрей, каждая эпидемія, опустошавшая улусы дикарей, повергали сотни и тысячи послѣднихъ въ жалкую нищету и заставляли ихъ идти въ неволю къ русскимъ, продавая имъ свою свободу за кусокъ хлѣба. Законодательство вооружалось нѣсколько разъ противъ этого возмутительнаго обычая, созданнаго сибирскою жизнью. Такъ, напр., Петръ Великій, по просьбѣ митрополита Филовея, указомъ 29 іюля 1726 г. велѣлъ объявить по березовскому уѣзду, что всѣ новокрещенные, находящіеся въ кабальной зависимости у разныхъ хозяевъ, освобождаются, не смотря ни на какія крѣпости, и имъ положено выдать паспорта, чтобъ никому ихъ не кабалить и въ неволѣ не держать; если закабаленные отосланы въ Тобольскъ или въ другіе города и проданы, то въ самомъ скоромъ времени отыскать и освободить ихъ. По изслѣдованію оказалось въ одномъ только Березовѣ 50 человекъ обоого пола закабаленныхъ остяковъ⁴⁾. Когда въ Сибирь отправлялась извѣстная ясачная комиссія Вульфа, то указъ 1745 г., объявляя объ этомъ по всей Сибири, говорилъ, что упомянутой комиссіи предписано устроить инородческія дѣла такъ, чтобы «впредь никоимъ образомъ съ здѣшняго народа новокрещенныхъ и некрещенныхъ инородцевъ подъ образомъ долговъ, нападками, подлогами и другими какими вымыслами

никакихъ кабаль не брали, а кто имѣетъ на нихъ такія кабалы или своеручныя письменныя обязательства, то таковыхъ долговъ съ нихъ не взыскивать, кромѣ тѣхъ, коими они по ихъ обыкновенію въ купечествѣ обязывались и по подлинному свидѣтельству явятся правильными, которыми и быть въ своей силѣ, а впредь таковыхъ неправильныхъ писемъ на нихъ не писать, а буде кто впредь начнетъ имать на нихъ кабалы или другія какія письменныя неправдивыя обязательства, съ таковыми поступлено будетъ, яко съ преслушниками указовъ». То же самое повторялъ и манифестъ 1748 г., вторично объявлявшій о посылкѣ Вульфовой комиссіи¹⁾. Само собою понятно, что эти мѣры освобождали лишь небольшое число кабальныхъ рабовъ, да и тѣ тотчасъ же принуждены были снова возвращаться въ кабальную зависимость. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, законодательство отказалось отъ своихъ безплодныхъ усилій уничтожить превращеніе инородцевъ въ рабство путемъ кабалы.

Та же вопиющая бѣдность, которая всегда заставляла инородца продавать русскому человѣку свою свободу и свое тѣло, принуждала его продавать своихъ дѣтей. Когда голодъ совершалъ свое смертоносное шествіе по инородческимъ стойбищамъ, опустошая юрты, истребляя скотъ, доводя дикарей до людоедства; когда казакъ дралъ съ инородца взятки и ясакъ, которыхъ ему заплатить было нечѣмъ; когда войско искореняло бунтующихъ инородцевъ, озаренное пламенемъ ихъ пылавшихъ улусовъ и обагренное ихъ измѣнническою кровью, — тогда инородцы запрягали своихъ послѣднихъ оленей и везли своихъ малютокъ на продажу въ ближайшее русское поселеніе. Въ Березовскомъ краѣ семилѣтнихъ остяцкихъ мальчиковъ продавали по 25 коп., а двѣчечекъ по 20 к. за штуку²⁾. Но хотя за такую ничтожную цѣну довольно часто можно было покупать дѣтей почти во всѣхъ мѣстахъ Сибири, однакожъ болѣе обыкновенною цѣною рабовъ была гораздо высшая норма. Изъ одного архивнаго документа, котораго, къ сожалѣнію, я не могу процитировать, мнѣ извѣстно, что графъ Савва Владиславлевичъ Рагузинскій увезъ въ Россію двухъ якутенковъ, купленныхъ имъ за 9 рублей пара. Въ XVII же вѣкѣ въ восточной Сибири цѣна рабовъ-подростковъ была обыкновенно около 3 руб. за штуку. Вотъ, на примѣръ, 16-го октября 1680 г., передъ якутскаго воеводу Бибикова является казакъ Щербаковъ съ тремя тунгусенками, взятыми въ плѣнъ казаконъ Берсеновымъ, у котораго и купилъ ихъ Щербаковъ — восьмилѣтняго за 3 р., шестилѣтняго за 2 р. 50 к., а одиннадцатилѣтняго бывшіе въ походѣ казаки подарили Щербакову, какъ своему начальнику³⁾. Понятно, что продаваемые самими инородцами рабы должны были стоить гораздо дешевле тѣхъ, которые продавались русскими работниками. Торговля рабами была очень развита

¹⁾ Отеч. Записки 1867 г., кн. XX—XXII.

²⁾ Дѣло 1867 г., № VIII—X. См. ниже.

³⁾ Газ. «Очерки» 1863 г., № 58—61. См. ниже.

⁴⁾ Біографія Филовея, Лещинскаго, журналъ «Странинскъ», 1863 г., № 1, стр. 12.

¹⁾ П. С. З., т. XII, стр. 452 и 881.

²⁾ Словцовъ, т. II, стр. 91.

³⁾ Д. кн. А. И., т. VII, стр. 290.

въ Сибири и имѣла нѣсколько средоточныхъ пунктовъ. Для сѣверо-восточныхъ областей страны такимъ пунктомъ былъ Якутскъ, на рынокъ котораго часто вывозились рабы изъ Охотска, Камчатки, Анадыра, Гижиги, Зашиверска и колымскихъ зимовей. Иногда сюда водили такое множество рабовъ, что большинство ихъ принуждены были, за ненадобностью, отпускать на волю. Такъ, напримѣръ, послѣ экспедиціи Павлуцкаго въ Анадырскъ было выведено изъ чукотской земли множество невольницъ; многія изъ нихъ отпущены на волю, многія посланы въ Якутскъ, но всѣ онѣ погибли дорогой ¹⁾. Для областей забайкальской, иркутской и енисейской средоточнымъ пунктомъ работорговли въ XVII вѣкѣ былъ Енисейскъ. Служилые люди возили сюда «съ Байкала братскихъ людей-полоняниковъ, мужской полъ и женской, и въ Енисейскъ ихъ продавали торговымъ и промышленнымъ людямъ, которые, купивъ ихъ и заплативъ въ таможеню, вывозили на Русь ²⁾. Не менѣе значительные рынки рабовъ существовали въ Томскѣ, Тюмени и Тобольскѣ. На этихъ и на другихъ рынкахъ рабы покупались не только для Сибири, но даже и для вывоза въ Россію. Въ особенности чиновники, наѣзжавшіе въ Сибирь только на время, при своемъ возвращеніи за Уралъ, вывозили съ собою или высылали съ довѣренными набранныхъ ими въ Сибири рабовъ. Эта торговля, какъ и всѣ другія, относящіяся къ рабству, дѣла, совершались долго вопреки закону и указамъ высшаго правительства. «Воеводамъ и дьякамъ никакихъ ясачныхъ людей иноземцевъ никого не покупать и къ Москвѣ съ собою не возити и ни съ кѣмъ не посылати» ³⁾, постоянно твердили указы и наказы. Въ грамотахъ Михаила Ѳеодоровича, посланныхъ въ Верхотурье, Березовъ и Ижму, предписывалось «таможеннымъ и заставнымъ головамъ на заставахъ того смотрѣти накрѣпко, какъ изъ сибирскихъ городовъ воеводы и дьяки и письменные головы и ихъ братья и дѣти и племянники и люди и дѣти боярскіе и сибирскіе служилые и торговые и всякихъ чиновъ люди поѣдутъ къ Руси, къ Москвѣ или въ иные которые города, и повезутъ съ собою сибирскихъ татаръ и остяковъ и ихъ женъ и дѣтей, и тѣхъ всякихъ чиновъ людей осматривать и обыскивать накрѣпко; а у кого объявится ясырь, татаровя и остяки, и ихъ жены и дѣти, ребята и дѣвки, и имъ тотъ ясырь, которые взяты будутъ на Верхотурье и на Березовѣ, на Собской и на Обдорской заставахъ, отсылать въ Тобольскъ, а который ясырь возьметъ на Ижемской заставѣ, и тотъ ясырь велѣно отсылать въ Пустоозеро, а оттуда отсылать въ Енисейскъ со служилыми людьми, съ кѣмъ пригоже; а крещеный ясырь мужской полъ велѣно верстать въ службу, кто въ какую статью пригодится, а некрещеныхъ татаръ и остяковъ строить въ ясакъ, а жонки и дѣвки отдавать отцамъ ихъ и матерямъ и мужьямъ и роду и пле-

мени, а крещеныхъ женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей, за кого пригоже; а который ясырь взятъ въ немирныхъ земляхъ, и тотъ ясырь держать въ Енисейскѣ на аманатскомъ дворѣ». Не смотря на эти указы, торговля рабами продолжала существовать, и воеводы, вмѣсто исполненія указовъ, въ которыхъ запрещалось торговать только татарами и остяками, начинали переписку о томъ, можно ли торговать рабами другихъ національностей? Енисейскій воевода, напримѣръ, выписавъ вышеупомянутый указъ, продолжаетъ: «и нынѣ привозятъ съ Байкала озера и съ Лепы и изъ иныхъ земель полоняниковъ и продаютъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, которые, записавъ ихъ, вывозятъ изъ Енисейска на Русь: и тотъ ясырь пропускать ли или тѣхъ полоняниковъ по прежнему указу велѣтъ верстать крещеныхъ мужскаго пола въ службу, а женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей, а некрещеныхъ строить въ ясакъ?» Воевода просилъ объ этомъ указъ, и указъ отвѣчалъ ему: «ты плутаешь, описываешься о томъ не дѣломъ, прежніе наши указы сказываешь, а вновь указу просишь» ¹⁾. Но всѣ эти строгости не вели ни къ чему: рабовъ безпрепятственно возили окольными дорогами, а хорошая взятка поднимала таможенный шлагбаумъ, и запрещенный товаръ благополучно выбывалъ въ Россію. Рабовъ отбирали только у тѣхъ торговцевъ, которые имѣли личности съ таможеннымъ начальствомъ, или не давали хорошей взятки. Воеводы же и другіе значительные чиновники, вывозившіе рабовъ, почти никогда не подвергались отбору невольниковъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если они выѣзжали изъ Сибири опальниками. Такъ, напримѣръ, когда Иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ, казненный потомъ за взятки и тираннію, подвергшись уже опалѣ, вздумалъ выслать въ Москву 30 рабовъ, инородцевъ, то 25 изъ нихъ были отобраны въ Тобольскъ, а 5 въ Москвѣ ²⁾. Въ XVII же вѣкѣ законодательство сознало наконецъ бесполезность своихъ запретительныхъ усилій, и работорговля была дозволена имъ. «Въ прошломъ во 132 (1624) году—говоритъ Уложеніе царя Алексѣя—посланъ указъ въ Сибирь и въ Астрахань: татаръ и татарченковъ мужскаго и женскаго полу всякимъ людямъ покупать и даромъ ни у кого имати и на Русь ни съ кѣмъ высылати не велѣно. А нынѣ государь Алексѣй Михайловичъ такихъ татаръ и татарченковъ въ Астрахани и въ Сибири покупать всякимъ людямъ попрежнему, oprичъ воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, которые у государевыхъ дѣлъ будутъ въ Сибири и въ Астрахани. И буде такихъ купленныхъ татаръ кто приведетъ къ казначейской записи или по купчей и по данной, и тѣхъ купленныхъ татаръ записывать въ книги рожей и примѣтами» ³⁾. Въ этой статьѣ Уложенія уже чувствуется вѣяніе XVIII вѣка—эпохи гуманной мысли и свободы для Запада и знаменательной эры развитія крѣпостничества и рабства для Россіи.

¹⁾ Словцовъ, т. II, стр. 476.

²⁾ Д. къ А. И., т. III, стр. 223.

³⁾ П. С. З., т. III, стр. 353.

¹⁾ Д. къ А. И., т. III, стр. 223.

²⁾ П. С. З., т. IX, стр. 78.

³⁾ Уложеніе, XX, § 117.

Отсутствіе въ старинной Сибири фабричной дѣятельности и неразвитость сельскаго хозяйства были причиною, что всѣ силы рабовъ были устремлены на хозяйственно-домашнія работы, на звѣро-ванье и передвиженіе товаровъ, припасовъ и лю-дей. Рабы смотрѣли за хозяйствомъ, рубили дрова, косили сѣно, строили дома, ходили за скотомъ, промышляли въ тайгѣ звѣрей, собирали ягоды и кедровые орѣхи, тянули по рѣкамъ суда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за неимѣніемъ скота, рабовъ запрягали въ соху и пахали на нихъ землю. У богачей и знатныхъ чиновниковъ рабы служили еще для удовлетворенія ихъ азіатскаго чванства, составляя шайки домашней, ничего не дѣлающей челяди. Понятно, что положеніе рабовъ въ тогдашнемъ грубомъ, невѣжественномъ и глупомъ обществѣ было самое несчастное. Случалось, напримеръ, что сибирякъ распарывалъ брюхо своей невольницѣ для того только, чтобы убѣдиться, съѣла ли она безъ его позволенія кусокъ рыбы! И рабамъ негдѣ было искать защиты отъ своихъ господъ. Имъ предстояло только два способа избавиться отъ господскаго деспотизма—или повѣситься, или бѣжать; но послѣднее было опасно,—пойманнаго бѣглеца ожидали жестокаго наказанія.

II.

Если законодательная власть не имѣетъ силъ преодолѣть враждебныхъ элементовъ общественной жизни, то послѣдніе, рано или поздно, возьмутъ перевѣсъ надъ законодательствомъ и заставятъ его плясать подъ свою дудку. Это же самое мы видимъ въ исторіи сибирскаго рабства. Существова-долго вопреки законамъ, оно наконецъ вынудило у государственной власти полную санкцію себѣ. Первый шагъ къ этому былъ сдѣланъ еще Уложеніемъ Алексѣя; хотя въ XVIII столѣтіи противъ рабства вооружался Петръ Великій и Анна, въ своемъ указѣ, 31 мая 1733 года, но не больше какъ черезъ четыре года, та же императрица, въ своемъ указѣ, 16 ноября 1737 года, въ § 7-мъ постановила: «калмыкъ и другихъ націй, которые, какъ извѣстно, крещены бывають и хозяевамъ достаются больше малолѣтніе, дозволяется всякому покупать, крестить и у себя держать, безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, одною запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ». Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ право купцамъ и юрточнымъ бухарцамъ крестить въ неволю купленныхъ инородцевъ¹⁾. То же право присвоило себѣ и государство. Въ 1742 г., по ходатайству оренбургскаго губернатора Неплюева, дозволено «у башкирцевъ дѣтей покупать не только партикулярнымъ людямъ, но и на казенный провіантъ мѣнять»²⁾. Окрещенные на счетъ государства, инородцы становились его рабами и отдавались въ работу частнымъ людямъ, которые и платили за то въ казну. Но въ 1763

г. предписывалось «присылаемыхъ изъ Оренбурга и Сибири крещеныхъ азіатцевъ отсылать для водвореній въ дворцовыя волости казанской, астраханской и оренбургской губерній, а партикулярнымъ людямъ въ услуженіе за деньги болѣе ихъ не отдавать, а издерживаемыя на нихъ на провозъ и воспитаніе ихъ до Москвы казенныя деньги числить казеннымъ расходомъ безъ возврата»¹⁾. Когда ясачная коммиссія Щербачева спрашивала у правительства, не слѣдуетъ ли отобрать у владѣльцевъ найденныхъ ею рабовъ-инородцевъ, то сенатъ отвѣчалъ, что они должны быть крѣпкими своимъ господамъ²⁾. Главнымъ же основаніемъ сибирскаго рабства послужилъ законъ 9 января 1757 г., утвердившій слѣдующее представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ: «Привозимыхъ киргизами разныхъ націй плѣнниковъ, всякаго званія людямъ по недостатку въ Сибири такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть вѣчно, покупать и на товары вымѣнивать, а потомъ и крестить не только воспрещать не подлежитъ, но еще пріохочивать къ тому надобно, для того, дабы лучшее стараніе было изъ магометанъ и идолопоклонниковъ приводить въ православный христіанскій законъ. Таковыхъ покупаемыхъ плѣнниковъ объявлять немедленно въ кр. Ямышевской и Семипалатинской командамъ, описывая притомъ ихъ лѣта, ростъ и промѣты. А потомъ, какъ оныя пообучатся русскому языку, объявлять ихъ въ губернскихъ или воеводскихъ канцеляріяхъ и брать на нихъ владѣнные записи. Всѣмъ у киргизкайсаковъ покупаемымъ плѣнникамъ у такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть не вѣчно, быть крѣпкими по смерти оныхъ покупателей». Что же касается сибирскихъ магометанъ, то имъ дозволялось имѣть рабовъ только своей вѣры.

Такимъ образомъ въ половинѣ XVIII вѣка сибирское рабство было совершенно утверждено правительствомъ. Это вполне гармонировало съ экономическими условіями и событіями тогдашней Сибири. Очищеніе южныхъ мѣстностей отъ енисейскихъ киргизовъ и джунгаровъ вело за собой сильное стремленіе народа на югъ изъ безпахотныхъ странъ холоднаго сѣвера; вмѣстѣ съ умноженіемъ сибирскихъ военныхъ силъ и народонаселенія, это обстоятельство содѣйствовало усиленію хлѣбопашества и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало потребность въ большемъ, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, количествѣ невольниковъ. А умноженіе чиновниковъ и вообще лицъ достаточныхъ и нѣсколько знакомыхъ съ лоскомъ европейской цивилизаціи усиливало ложную потребность въ многочисленной прислугѣ: ходъ событій вполне содѣйствовалъ удовлетворенію этихъ потребностей. Инородческіе бунты въ сѣверо-восточной Сибири, бунты башкирцевъ, паленіе Джунгаріи и киргизскія дѣла доставляли въ это время сибирякамъ такое множество невольниковъ, что они даже съ излишкомъ

¹⁾ Словцовъ, т. II, стр. 18.

²⁾ Архивъ главн. управл. западн. Сибири, дѣло № 54.

¹⁾ П. С. З., т. XVI, стр. 587 и 329.

²⁾ Ibid., стр. 534.

удовлетворяли ихъ потребности. Мы не будемъ повторять здѣсь о другихъ способахъ приобрѣтенія рабовъ, которые въ XVIII столѣтіи были тѣ же самыя и носили тотъ же самый характеръ, что и въ XVII вѣкѣ; но мы расскажемъ нѣсколько эпизодовъ о военныхъ походахъ, доставлявшихъ взятыми во время ихъ плѣнниками самое большое количество рабовъ.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія всѣ инородцы сѣверо-восточной Сибири, доведенные до бѣшеннаго неистовства злоупотребленіями тамошней администраціи, постоянно бунтовали и при малѣйшей возможности рѣзали русскихъ. Иркутская провинціальная канцелярія не разъ предписывала начальникамъ анадирскихъ, гижигинскихъ и другихъ военныхъ командъ инородцевъ «за ихъ непостоянство и замерзѣлыя издревле злодѣйства *всѣхъ побить и въ конецъ разорить, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей ихъ*»¹⁾. И хотя команды сѣверо-восточной Сибири тогда страдали отъ голода, цынги, безодежности, хотя онѣ нерѣдко ходили въ походы нагишомъ, и поэтому не могли истребить всѣхъ инородцевъ, однакожъ онѣ успѣли истребить весьма значительную часть ихъ. Нагіе казаки поджигали ихъ улусы, захватывали все имущество, а дѣтей, оставляя въ живыхъ, уводили въ рабство. Часто этихъ юныхъ невольниковъ накоплялось такъ много, что казаки ихъ отдавали даромъ участвовавшимъ съ ними въ походахъ служилымъ инородцамъ.

Вотъ, на примѣръ, въ 1751 г., капитанъ Шатиловъ съ командою идетъ въ Тайгуносъ «для призыву измѣнниковъ корякъ въ подданство и въ ясачный платежъ. И апрѣля 9-го, за противность ихъ, какъ они вѣрноподданныхъ ея и. в. народовъ непріятельски смертно побивали и въ конецъ разоряли, такими же мѣрами и они, измѣнники, сами побиты и вовсе искоренены, числомъ однихъ лучшихъ до 120 чел., кромѣ подростковъ и малыхъ ребятъ, а всѣхъ поголовно, большихъ и малыхъ, ста съ два и больше, и притомъ взято въ плѣнъ мужеска и женска полу 12 человекъ»²⁾.

Или вотъ рапортъ³⁾ сержантовъ Игнатьева и Бѣлобородова, ходившихъ съ командой для искорененія бунтующихъ коряковъ и другихъ инородцевъ сѣверо-восточной Сибири.

«4 августа Игнатьевъ погнался за коряками, — пишутъ они, — плывшими по морю на 21 байдарѣ въ Тайгуносу; коряки, видя, что ихъ нагоняютъ, поворотили къ *отпращу*»⁴⁾; не допуская ихъ до него, Игнатьевъ, призывая Всемогущаго Бога въ помощь, началъ ихъ на водѣ штурмовать, а которые выбѣгали на берегъ, тѣхъ побивалъ сержантъ Бѣлобородовъ съ оленьими тунгусами. Сколько было побито, знать невозможно, потому

что баталія происходила на водѣ, но, на примѣръ, по ихъ обращенію въ каждой байдарѣ бываетъ, кромѣ женскаго пола и малолѣтнихъ дѣтей, ихъ человекъ по 15 и по 20, а менѣе того мало бываетъ, и ежели въ показанныхъ 21 байдарѣ исчислять по примѣру хоша по 15, и того съ помощію Божіей побито съ 350 человекъ, а 21 байдара въ добычу получена, сухого рыбного корму около взято вязокъ близко до 1000, а въ каждой вязкѣ исчислить вѣсу по пуду, то имѣетъ быть 1000; а китовыхъ жировъ получено многое число», и т. д. Дальнѣйшія подробности рапорта выписывать не станемъ, онѣ всѣ похожи на приведенный отрывокъ. Сержанты убивали, брали въ плѣнъ, угоняли скотъ, жгли и разоряли жилища несчастныхъ коряковъ, рѣзали даже стариковъ и младенцевъ. Такимъ образомъ, кромѣ поименованныхъ выше, храбрыми сержантами убито 152 человекъ, взято въ плѣнъ и продано въ неволю 141 человекъ. Въ заключеніе своего рапорта ревностные исполнители приказаній начальства пишутъ: «И за таковую ихъ противъ непріятелей бунтовщиковъ и измѣнниковъ корякъ благополучность и поискъ служилые люди общаніе положили на этой р. Гижигѣ построить церковь во имя архангела Михаила, и просятъ, чтобы истребовать, откуда надлежитъ, благословеніе, также и *антимосу*, и церковной утвари».

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія Сибирь волновали три башкирскихъ бунта. Пользуясь этими смутами, сосѣдніе съ башкирами киргизы много захватывали ихъ въ плѣнъ, обращали въ рабство и сбывали часть ихъ въ Сибирь. На примѣръ, послѣ усмиренія бунта 1755 г., 50,000 башкирцевъ перебѣжали въ киргизскую степь. Губернаторъ Неплюевъ объявилъ киргизамъ, что перебѣжчики съ своими женами и дѣтьми отдаются въ ихъ власть. Киргизы начали травить ихъ, какъ звѣрей, чтобы завладѣть ихъ семействами. Немногіе несчастные возвратились въ свои кочевья и разказами объ этомъ взволновали всю Башкирію. Местъ сдѣлалась священной обязанностію каждого башкирца. Тысячами бросались они на киргизовъ, и долго лилась кровь этихъ народовъ, долго башкирцы уводились киргизами въ ихъ степи и держались тамъ въ жестокомъ рабствѣ¹⁾. Военные походы для усмиренія башкирцевъ также доставляли Сибири много рабовъ. Вотъ, напр., полковникъ Павлуцкій пишетъ, что онъ «бывалъ во многихъ партіяхъ и на бояхъ противъ непріятелей, тогда оказуемыхъ киргизъ-кайсаковъ и воровъ-башкирцевъ; въ 1736 г. былъ въ зимнемъ походѣ для искорененія бунтующихъ тогда воровъ-башкирцевъ, и въ томъ походѣ ихъ воровскихъ жилищъ разорили и пожгли деревень больше 100, въ полонъ взяли мужеска и женска полу съ 200, побили больше 300 человекъ».

«Въ 1740 г. былъ онъ, Павлуцкій, съ 1,519 человекъ командированъ для прекращенія вновь начавшагося тогда башкирскаго бунта. И ходили

¹⁾ Промеморія иркутской провинц. канцеляріи, 9-го іюля 1752 г.

²⁾ Чтенія въ общ. ист. и древн., 1864 г., кн. III, отд. V, стр. 65.

³⁾ См. «Нар. Бог.», 1863 г. № 219, моя ст. «Сибирскіе инородцы». См. ниже.

⁴⁾ Скала, отдѣленная отъ берега небольшимъ проливомъ.

¹⁾ Мейеръ, Киргизская степь. Сиб. 1863 г., стр. 14.

за Уралъ въ горы легкими партіями и чинили надъ оными бунтующими не малые поиски, и были въ той партіи марта съ 10 апрѣля по 21. Да вторично отъ Верхояицкой ходилъ онъ мая съ 22 въ легкую партію для поиску и искорененія вора Карасакала и его сообщниковъ. И во оной партіи имѣли съ ворами три сильныя сраженія, первое у озера Чебаркуля, гдѣ было больше 1000 кибитокъ, мая 25; второе 28 мая при р. Яикѣ и третье июня 4 за Тоболомъ, на степи, близъ киргизскихъ кочевныхъ улусовъ. Онъ же, Павлуцкій, оставя при Тоболѣ съ секундъ-маіоромъ Беклемишевымъ команды на усталыхъ лошадяхъ съ 900 человекъ, а самъ, по ревности своей, отважа себя, выбралъ людей на лучшихъ лошадяхъ до 800 чел. и ходилъ за ворами самымъ скорымъ ходомъ за Тоболъ больше 100 верстъ, и чинили надъ ворами сильные поиски и имѣли сраженіе и побили ихъ больше 300, а въ полонъ взяли болѣе 200.

«А сверхъ того побито командою Павлуцкаго въ помянутыхъ трехъ мѣстахъ, также и въ другихъ легкихъ партіяхъ 1,630 человекъ, да въ полонъ взято 1,455 человекъ, изъ того числа на страхъ прочимъ ворами повѣшено 183 человека, отбито лошадей, коровъ и овецъ довольное число и не малое число деревень сожжено, воровскихъ разныхъ волостей 82, въ нихъ 689 дворовъ»¹⁾.

Другія партіи дѣйствовали противъ башкирцевъ также опустошительно. Башкирцевъ, обращенныхъ въ рабство, выводилось въ Сибирь такое множество, что ихъ покупали и закрѣпляли за собой даже простые крестьяне²⁾.

Особенно же сильное развитіе сибирское рабство получило, благодаря паденію Джунгаріи и набѣгамъ русскихъ на киргизскую степь. Мы остановимся на этомъ подольше.

III.

Калмыки, составлявшіе часть сброднаго царства, извѣстнаго подъ именемъ Джунгаріи, были опасными и безпокойными сосѣдями Сибири въ теченіе XVII и XVIII столѣтій. Съ самаго начала XVII вѣка они не переставали тревожить сибирское населеніе, поднимая бунты между инородцами, осаждая города, сожигая деревни, вытаптывая засѣянные пашни, отгоняя скотъ, истребляя и уводя въ плѣнъ беззащитныхъ жителей. Въ XVIII вѣкѣ эти набѣги ослабли, — у калмыковъ было много дѣла въ средней Азій, а Сибирь значительно окрѣпла, возвела сплошную линію пограничныхъ пикетовъ и укрѣплѣній, усилила свою милицію, а въ 1745 г. получила изъ Россіи пять регулярныхъ полковъ для обороны южной границы. Джунгары не рѣшались и не могли попрежнему воевать съ сибиряками, хотя и не оставляли своихъ притязаній на земли и инородцевъ южной Сибири, на прииртышскія мѣстности, на Алтай съ его двоеданцами, на Барабинскую степь съ жившими по ней татарскими племенами.

¹⁾ Вѣдомость о полковникѣ Яковѣ Павлуцкомъ, коя сочинена сего 748 г., декабря 25 дня.

²⁾ Словцовъ, II, 39.

Они постоянно твердили петербургскому правительству и сибирскому начальству, что упомянутыя земли съ своими обитателями составляютъ исконную собственность ихъ хановъ и несправедливо заняты русскими. Каждый шагъ впередъ со стороны русскихъ, каждый приходъ новаго полка или привозъ новой пушки, каждое основаніе новой крѣпости производили въ Джунгаріи шумъ и подавали поводъ къ возобновленію ихъ пограничныхъ притязаній. Хотя до открытой войны между русскими и джунгарами никогда не доходило, но постоянныя хищническія нападенія съ той и другой стороны поддерживали пламенную вражду и сопровождались всѣми послѣдствіями грабежа и убійства. И трудно сказать, кто — калмыки или русскіе проявляли болѣе разбойничьихъ наклонностей и болѣе наносили вреда противной сторонѣ; кажется, что въ этомъ отношеніи сибиряки превосходили своихъ полудикихъ сосѣдей. Русскіе казаки, солдаты, драгуны, офицеры, мужики сдѣлали изъ грабежа калмыковъ родъ постоянного промысла; подъ предлогомъ погони за джунгарскими ворами и разбойниками они очень часто вторгались въ калмыцкія земли, грабили улусы, убивали жителей, сожигали жилища, отгоняли скотъ, перехватывали переписку калмыцкихъ родоначальниковъ, «у бабъ обрѣзывали титки, а малыхъ ребятъ на огнѣ жгли».

Калмыки удивлялись хищническимъ наклонностямъ сибиряковъ и тому, что они грабятъ не только богатыхъ, но и нищихъ. «Вы и нищихъ обижаете», — говорили они русскимъ, — «какъ поѣдутъ наши люди на соболиный промыселъ, то ихъ всегда около Колыванскихъ заводовъ грабятъ и обижаютъ»¹⁾. И, не смотря на всѣ старанія, калмыки никогда не могли вернуть изъ Сибири ни одной угнанной отъ нихъ овцы, ни одного уведеннаго въ неволю джунгара.

Набѣги русскихъ на калмыковъ не прекращались вплоть до самаго паденія Джунгаріи; въ Сибири тогда было уже довольно рабовъ, частію купленныхъ, а больше полоненныхъ отъ калмыковъ. Но самымъ цвѣтущимъ періодомъ сибирскаго невольничества было время паденія Джунгаріи, — этого событія, наполнившаго шумомъ большую половину Азій.

Въ сентябрѣ 1745 г. умеръ Галданъ-Церенъ, — послѣдній изъ сильныхъ и воинственныхъ предковъ Джунгаріи. Зная неспособность своего преемника и честолюбивые замыслы Россіи и Китая, онъ передъ смертію завѣщалъ хранить миръ съ этими двумя государствами, опасаясь, что его слабые преемники погубятъ еще неокрѣпшее царство. Но его дни были уже сочтены. Наслѣдникомъ Галдана былъ глупенькій и несовершеннолѣтній младшій сынъ его, Цебенъ Доржи, болѣе способный старшій братъ котораго не могъ быть ханомъ, какъ незаконнорожденный. Однакожъ многіе джунгары составили заговоръ съ цѣлью не допускать до престола глуповатаго и уже привыкшаго къ звѣрскому деспотизму мальчика; во главѣ этого заговора стоялъ одинъ изъ сильнѣйшихъ родоначальниковъ, Сеп-

¹⁾ Рапортъ Волкова, май 1748 г.

тень, предлагавшій власть старшему сыну Церена. Но заговоръ открыли, Септеня арестовали, «отняли отъ него честь, кормили съ собаками» и казнили бы жестокою смертию, если бы только онъ не отравился. Послѣ его смерти принялись за его дѣтей; «имъ выжгли глаза каленымъ желѣзомъ, чтобы свѣту не видѣли, и вмѣстѣ съ женою и дочерью сослали въ городъ Аксу»¹⁾. Такое начало царствования не предвѣщало ничего добраго. Окруживъ себя сильной стражей, Цебенъ Доржи началъ такъ самодурствовать, что этимъ возмутились даже привыкшіе къ деспотизму джунгары. «Зюнгарскій владѣлецъ—доносилъ сибирскому начальству одинъ бухарецъ—молодъ, 16-ти лѣтъ и къ правленію дѣлъ непонятенъ и неохотенъ и правомъ весьма самобыченъ и дальняго разсужденія въ распорядкахъ ничего не имѣетъ, а болѣе въ охотахъ обращается съ молодыми людьми въ гуляньѣ»²⁾. Одною изъ любимыхъ его забавъ была охота на людей. Съ шайкою своихъ собутыльниковъ верхомъ на лошадяхъ и съ стаей собакъ рыскалъ онъ по улусамъ и травилъ собаками скотъ и людей. По ночамъ онъ врывался въ юрты своихъ подданныхъ, отнималъ у нихъ дочерей и родственницъ и, уводя домой, насиловалъ ихъ³⁾. Всѣхъ лицъ, которыя были подозрительны или почему-нибудь не нравились ему, онъ арестовывалъ, рубилъ имъ головы, ссылая или морилъ голодною смертию въ душной земляной тюрьмѣ. Родона начальники рѣшились отравить его и передать власть его сестрѣ. Но заговоръ открытъ, 300 человекъ казнены, а сестра хана съ обрѣзанными косами сослана въ г. Аксу⁴⁾. Наконецъ въ 1750 г. Цебенъ Доржи былъ свергнутъ и ослѣпленъ, а правленіе принялъ старшій, незаконнорожденный братъ его, Лама Доржи, имѣвшій сильнаго врага въ своемъ троюродномъ братѣ и одномъ изъ главныхъ родоначальниковъ Давацзи, который имѣлъ подъ своимъ непосредственнымъ управленіемъ до 1000 семей. Давацзи имѣлъ притязанія на престолъ, но, встрѣтивъ въ этомъ сильнаго соперника въ даровитомъ и воинственномъ родоначальникѣ Амурсанѣ, онъ уговорился съ послѣднимъ свергнуть хана и раздѣлить Джунгарію между собой. Оба возмутились, но были разбиты и бѣжали къ киргизамъ. Давацзи упалъ духомъ. Но Амурсана, составившій планъ овладѣть посредствомъ его всѣмъ царствомъ, собралъ 1500 отборныхъ воиновъ, снабдилъ ихъ сушенымъ мясомъ, ночью перешелъ горы и, достигнувъ береговъ Или, умертвилъ хана посреди его лагеря. Но ханомъ былъ выбранъ Давацзи, и начался длинный рядъ кровавыхъ междоусобій между

нимъ и Амурсаной, кончившійся сверженіемъ перваго и возшествіемъ на тронъ второго, при помощи китайской арміи. Амурсана, желая освободиться отъ китайскаго вліянія, поднялъ противъ китаевъ разныя орды монголовъ и элютовъ, которые начали враждебныя дѣйствія противъ китайскихъ войскъ, занимавшихъ Джунгарію. Началась опустошительная война 1756—1757 г. ¹⁾ Монголо-китаицы истребляли все, что имъ ни встрѣчалось живого, — убивали мужчинъ, насиловали и замучивали женщинъ, а дѣтямъ разбивали головы о камень или стѣну, сожигали жилища, рѣзали скотъ; они перебили до 1,000,000 калмыковъ. Къ этой рѣзнѣ присоединились еще внутреннія междоусобицы Джунгаріи. Амурсана, часто разбиваемый и преследуемый китаицами, рыскалъ по странѣ съ шайкой своихъ приверженцевъ, нападалъ на улусы, уводилъ изъ нихъ на войну все мужское населеніе, а оставшіяся дома женщины и дѣти или умирали съ голоду, или погибали отъ непріятельскаго меча, или уводились въ неволю. Многочисленныя толпы разоренныхъ и голодныхъ калмыковъ, составляя разбойничьи банды, причиняли опустошенія не меньше китаевъ. Киргизы на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, съ своими воинственными криками, какъ стаи хищныхъ птицъ, носились надъ этимъ необозримымъ побоищемъ и уводили въ неволю цѣлыя тысячи беззащитныхъ джунгаровъ. Вскорѣ въ странѣ воцарился голодъ, одни начали умирать голодною смертию, а другіе рѣзали людей и питались человѣческимъ мясомъ. За голодомъ шла оспа. Джунгарія была буквально усыяна трупами, ея воды покраснѣли отъ пролитой человѣческой крови, а воздухъ былъ полонъ дыма отъ горѣвшихъ улусовъ, лѣсовъ и травъ. Все разрушено, все погибло, кромѣ одной только Галдановой кумирни, развалины которой до сихъ поръ можно видѣть при минеральныхъ водахъ, къ востоку отъ озера Алакуля.

Еще при самомъ началѣ описанныхъ дѣйствій множество калмыковъ увидѣло, что имъ предстоитъ только одно средство для спасенія—отдаться въ подданство Россіи. Самъ Амурсана думалъ объ этомъ, а инородцы Алтая хлопотали о томъ очень настоятельно. Еще осенью 1755 г. одиннадцать зайсановъ съ своими родами просили принять ихъ въ «подданство ея им-го в-ва и пропустить внутрь имперіи»²⁾. Весною 1756 г., зайсанъ Омба съ 1000 семей просилъ принять его въ скорѣйшемъ времени или, по крайней мѣрѣ, дозволить ему кочевать на русской границѣ³⁾. Черезъ нѣсколько дней явился на границу зайсанъ Номкы депутатомъ отъ двѣнадцати другихъ зайсановъ, просившихъ о подданствѣ и обѣщавшихъ, кромѣ платежа ясака, выставять по требованію правительства до 2000 войска⁴⁾. Черезъ нѣсколько дней полковнику де-Гарригѣ привозятъ еще письмо отъ тѣхъ же зайсановъ: «дай намъ людей на обереженіе; обереги отъ злого времени въ нашей землѣ; гдѣ вамъ поглянется, стройте

¹⁾ Донесеніе Зорина, 14 августа и 2 ноября 1746 г.

²⁾ Рапортъ Павлуцкаго.

³⁾ Путевой журналъ Мясникова 1754 г. Когда ханъ захотѣлъ жениться, то «приказалъ собирать отъ всѣхъ отовсюду дѣвицъ въ свой дворецъ, для выбора изъ нихъ невесты. Смотри, напр., у Соловьева описаніе женитьбы Алексѣя Михайловича.

⁴⁾ Рапортъ Павлуцкаго, 22 апрѣля 1748 г.

¹⁾ Риттеръ, II, 155—159.

²⁾ Рапортъ де-Гаррига, 4 октября 1755 г.

³⁾ Рапортъ его же, 3 февраля 1756 г.

⁴⁾ Рапортъ его же, 18 февраля 1756 г.

городъ. Нынѣ у насъ—бѣлый государь. Нашего бѣлаго государя полковникъ, пожалуйста поскорѣе,—со всеми домами хотятъ увезти»¹⁾).

Когда же описанныя бѣдствія достигли своей высшей степени, тогда все, что имѣло ноги и могло двигаться, бросилось изъ Джунгаріи въ Сибирь.

Въ Сибирь стремились и большіе коши, состоявшіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и гнавшіе съ собой громадныя табуны скота. Впереди и по сторонамъ этихъ скопищъ ѣхало вооруженное мужское населеніе, а средину занимали стада, домашній скарбъ, женщины и дѣти, сидѣвшія на верблюдахъ и на скрипучихъ двухколесныхъ телѣгахъ. Эти величественные караваны двигались очень медленно по выгорѣвшимъ и усѣянными трупами мѣстностямъ. Ихъ тревожили китайскія войска и киргизы, которые постоянно разбивали ихъ и принуждали идти обратно. Къ этимъ врагамъ присоединялись еще шайки джунгаровъ, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, питали заклятую вражду къ Россіи и не могли равнодушно видѣть бѣгство въ Сибирь своихъ соотечественниковъ. Эти шайки грабили и убивали изъ чѣжавшихъ къ русской границѣ всѣхъ, кого только бнѣ могли ограбить или убить. Къ довершенію осега, оспа гналась по пятамъ этихъ каравановъ в заставляла ихъ бросать по дорогѣ похищенные ею жертвы. Нѣкоторые коши даже поворачивали назадъ, полагая причину эпидеміи въ наносимомъ «съ російской стороны» и нездоровомъ для нихъ воздухѣ.

Въ Сибирь стремились и небольшія партіи и одинокіе бѣглецы, питаясь травами, падалью и человѣческими трупами, днемъ скрываясь въ тайныхъ мѣстахъ отъ непріятеля, а ночью продолжая свой утомительный путь. Нѣкоторые изъ нихъ выходили на Иртышъ, дѣлали плоты и спускались на нихъ до русскихъ крѣпостей. Множество этихъ бѣглецовъ погибало отъ китайцевъ и увозилось въ плѣнъ киргизами. А разбѣйничьи калмыцкія шайки убивали ихъ для пищи и ѣли ихъ вареное мясо.

Въ Сибирь стремился и самъ ханъ павшаго царства—Амурсана.

Выбѣжавшихъ въ Сибирь было очень много, хотя мы не имѣемъ данныхъ опредѣлить ихъ цифру даже приблизительно. Цѣлыя коши, выходившіе на границу, состояли, какъ уже сказано, изъ нѣсколькихъ сотъ, даже тысячъ человѣкъ и пригоняли съ собой огромныя стада. Въ кошѣ Шерина было 1,156 кибитокъ, 5,223 человѣка, 12,310 головъ разнаго скота, 1,059 ружей и т. д.²⁾ Съ Доржи Унжиномъ вышло за разъ въ Устькаменогорскъ 427 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 рабовъ³⁾. 17 іюня 1757 г. въ Шульбинскій заводъ вышла партія въ 250 человѣкъ⁴⁾. 20 мая 1758 года вышелъ лама, Лозанъ Дакши, и при

немъ 270 калмыковъ, въ томъ числѣ 39 человѣкъ ламайскаго духовенства¹⁾. Много выбѣгало подобныхъ большихъ каравановъ, но еще болѣе выбѣгало немногочисленныхъ партій и одинокихъ эмигрантовъ. Почти въ теченіе трехъ лѣтъ по всему протяженію сибирско-джунгарской границы выходили въ русскія поселенія эти несчастные, пережившіе погромъ своего отечества. Хотя петербургское правительство предписывало «съ выходящими азіатами поступать съ ласковостію и ни малѣйшаго имъ озлобленія не чинить»²⁾, но это не имѣло никакой дѣйствительной силы. Сначала велѣно было принимать всѣхъ; но въ октябрѣ 1758 г. ордеромъ генерала Фрауендорфа приказано выбѣгающихъ джунгаровъ въ форпосты и крѣпости не впускать до спросу, что они за люди, и если не пожелаютъ креститься, то отсылать отъ крѣпостей прочь, а если пожелаютъ, то принимать «какой бы націи кто ни былъ»³⁾. Упомянутымъ допросамъ о происхожденіи и о джунгарскихъ дѣлахъ подвергались рѣшительно всѣ выходцы; эти допросы, для вынужденія правдивыхъ отвѣтовъ, часто сопровождались пыткой, состоявшею въ битвѣ несчастныхъ эмигрантовъ плетями. Но это было запрещено, и пограничные командиры очень были опечалены такимъ запрещеніемъ, полагая, что «объ истинномъ намѣреніи выбѣгшихъ вывѣдать можно бы было», если бы не ордеръ Фрауендорфа, запрещающій «распросъ таковыхъ съ пристрастіемъ»⁴⁾.

Не трудно сказать, чего хотѣли джунгары, выбѣгая въ Сибирь, и трудно понять, какъ этого не знало сибирское начальство, настаивавшее на допросѣ бѣглецовъ съ пристрастіемъ! Джунгары искали спасенія отъ голодной смерти, киргизовъ и китайцевъ, и могли найти это спасеніе только въ Сибири.

Большинство выбѣжавшихъ были наги, босы и едва таскали ноги отъ голоднаго истощенія. Даже самъ повелитель Джунгаріи выбѣжалъ на русскую границу безъ штановъ, которые были сшиты ему только въ Омскѣ на казенный счетъ⁵⁾. Его при-

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 670.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 440.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XL, стр. 459.

⁴⁾ Ibid., стр. 163.

⁵⁾ Когда Амурсана увидѣлъ, что ему не удержать за собой власти, то отправилъ въ Россію двухъ зайсановъ съ просьбою о подданствѣ. Ихъ арестовали въ Барнаулѣ; одного увезли въ Петербургъ на допросы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а другого велѣно уговаривать къ переселенію въ улусы волжскихъ торгоутовъ. Началась переписка (Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 693). Но Амурсана не могъ дожидаться отвѣта и 30 іюня 1757 г. вышелъ къ Семипалатинску почти нагишомъ съ 8 калмыками и одной лошадыю. Его отправили въ Омскъ. Въ Ямышевѣ онъ объявилъ, что «имѣетъ великую болѣзнь», а какъ по указамъ значилось, «что онъ человѣкъ надобный», то, «дабы не умеръ», полковникъ Девилленевъ оставилъ его въ Ямышевѣ. 31 іюля привезена жена его. Въ Омскѣ хану стало лучше, и въ новыхъ, сшитыхъ на казенный счетъ штанахъ, подъ именемъ «самосекретѣйшаго азіанина», онъ отправленъ 9 августа въ Тару, куда прибылъ 12 числа. Здѣсь ему пожаловали по 50 к. въ сутки кормовыхъ и отвели «приличную его чести квартиру». Амурсана просилъ свиданія у полковника Лориха, и послѣдній согласился, но

¹⁾ Рапортъ де-Гаррига 22 февраля 1756 г.

²⁾ Пограничныя Дѣла Омск. Архива, т. II, стр. 107.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 402.

⁴⁾ Ibid., стр. 440.

дворные были также почти нагишомъ и «при наступившихъ холодныхъ росахъ безъ одежды терпѣли нужду и положеннымъ имъ отъ казны провіантомъ довольствовались съ нуждою» ¹⁾. Многие изъ выбѣгавшихъ отъ ранъ, холоду и голоду были такъ слабы, что не могли дойти до пограничныхъ поселеній нѣсколькихъ верстъ и оставались въ пустынѣ, дожидаясь смерти. За нѣкоторыми изъ нихъ изъ крѣпостей посылались люди, и ихъ вывозили въ пограничныя поселенія. Они были наги и такъ истощены голодомъ, что «даже доброю пищею ихъ возстановить было сумнительно» ²⁾. Выбѣгшимъ полагалось казеннаго содержанія некрещенымъ большимъ по 1 коп., а малымъ по 1 денежкѣ въ день, а крещенымъ большимъ и малымъ по 3 деньги; ноенамъ по 10—20 коп., ламамъ по 5—10 коп. въ день ³⁾. Нежелавшимъ же креститься ничего не давалось. Но и тѣ, которымъ полагалось содержаніе, терпѣли жестокую нужду, потому что этого содержанія было недостаточно, да и оно доходило не все до калмыковъ, а часть его воровалась русскими распорядителями. Калмыки жаловались, что имъ «хотя и выдается ячмень, но за неимѣніемъ мяса и молока, а особенно соли, они претерпѣваютъ нужду, и оттого опухли и впали въ болѣзни, а купить и вымѣнять не начто, да и ячменю не достаетъ, и оттого приходитъ слабость здоровья и отъ претерпѣннаго глада поправиться не могутъ» ⁴⁾. Пропитываться же работою у русскихъ они не могли, — «по природности ихъ и необычайности російской работы» ⁵⁾. Многие занимались воровствомъ и получали за то плети. Многие задумывали бѣжать обратно, но зоркіе стражи ловили ихъ, угощали плетями и бросали въ душные тюрьмы, чтобы «они, по малоразсудному своему азіатскому обыкновению, утечки не сдѣлали». И, вѣроятно, если бы калмыки имѣли припасы на дорогу, то большинство ихъ бѣжало бы во свояси. Русскіе понимали это и потому, между прочимъ, не допускали калмыковъ имѣть достаточное для прокормленія количество провіанта. Однажды одна калмычка донесла начальству, что калмыки провіантъ копятъ. Вслѣдствіе этого велѣно по всѣмъ крѣпостямъ колыванской

и иртышской линіи произвести въ калмыцкихъ кошахъ обыскъ и отобрать провіантъ! Но только въ кутанской отобрано у восемнадцати человѣкъ, у кого 1, у кого 4 четверика, во всѣхъ же другихъ крѣпостяхъ у калмыковъ излишняго хлѣба не оказалось, и обыскивавшіе ихъ офицеры доносили, что «тутъ не только лишку нѣтъ, но и до термину достать не уповательно» ¹⁾. Были между этими эмигрантами люди достаточные, богатые скотомъ и разными цѣнными пожитками, имѣвшіе рабовъ; но по выходѣ на русскую границу, они принуждены были постепенно разставаться съ своимъ имуществомъ и быстро шли къ тому жалкому состоянію, въ которомъ страдало большинство ихъ земляковъ. За удовлетвореніе ихъ каждой просьбы, за выполненіе каждой обязанности относительно ихъ, пограничныя власти вымогали съ нихъ взятки и, не задумываясь, отнимали у несчастнаго калмыка даже его рабовъ, жену и дѣтей ²⁾. Подобные поборы носили подчасъ характеръ чистыхъ грабежей. Такъ, напр., въ 1757 г. бійскій регистраторъ Девиціаровскій, разъѣзжая по стойбищамъ вышедшихъ съ Бохоломъ калмыковъ, своими вымогательными побоями и угрозами навелъ на послѣднихъ такой страхъ, что они разбѣжались въ горы. Девиціаровскій обиралъ всѣхъ попадавшихся ему калмыковъ, у кого отнималъ скотъ, у кого мѣха, платье, парней и дѣвушекъ; всего награблено имъ, по словамъ старшины Бохола, на 761 рубль ³⁾.

Выше мы уже говорили, что казна выдавала содержаніе только однимъ желавшимъ креститься, а напослѣдокъ не желавшихъ принять русскую вѣру велѣно было даже вовсе не пускать въ Сибирь, отсылая ихъ обратно. Однакожъ до изданія послѣдняго распоряженія въ Сибирь было принято множество джунгаровъ, не хотѣвшихъ и слышать о перемѣнѣ религіи. Пограничныя командиры, большею частію нѣмцы, сумѣли однакожъ окрестить множество калмыковъ, принуждая ихъ къ тому иногда подарками, а больше голодомъ, тюремнымъ заключеніемъ и другими, еще болѣе грубыми средствами. Нѣкоторые изъ приведенныхъ такимъ образомъ въ православіе пытались заявлять, что они «крещены усиленно». Но послѣ сдѣланныхъ имъ приличныхъ вразумленій, они отказывались отъ упомянутого заявленія и давали подписку, что сдѣлали его, «желая избыть христіанства, по замерзѣлому предъ симъ азіатскому закону» ⁴⁾. Впрочемъ, нѣкоторые самые упорные изъ нежелавшихъ креститься устояли на своемъ и не перемѣнили вѣры; а кромѣ того, нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ пограничныя командиры не смѣли принуждать къ переходу въ православіе. Такъ относительно семейства Амурсаны полковникъ Девиленевъ доносилъ, что «по знатности ихъ крестить онъ смѣлости взять не имѣлъ» ⁵⁾. Крестившихся вѣнчали съ ихъ женами и заставляли ограничиваться одной женой. Нѣко-

почему-то не иначе, какъ въ 3 часа ночи. И хотя при этой аудіенціи ханъ просилъ только о томъ, чтобы его соединили съ его племянникомъ, однакожъ съ переводчика Дуаѣнова, толмачившаго его слова Лориху, послѣдній взялъ подписку не разглашать этого разговора «подъ страхомъ смертной казни». 12 числа Амурсана отправленъ въ Тобольскъ въ вѣдѣніе тамошней секретной комиссіи о заграничныхъ обращеніяхъ. Въ инструкціи конвою предписывалось вести Амурсану такъ секретно, чтобы его никто и онъ никого не видалъ, и пріѣздъ въ Тобольскъ пригнать къ ночному времени. Вскорѣ Амурсана умеръ отъ сны. Китайцы, проявлявшіе въ этихъ дѣлахъ подозрительность не меньше русскихъ, три раза требовали трупа Амурсаны, чтобы удостовѣриться въ его смерти. Такъ они боялись этого предприимчиваго и честолюбиваго дикаря.

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 49.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XL, стр. 139.

⁴⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 605.

⁵⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 29.

¹⁾ Ibid., стр. 555.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

³⁾ Ibid., стр. 393.

⁴⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 200.

⁵⁾ Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 14.

торые из обратившихся калмычек выходили за мужъ за русских.

Всѣхъ принятыхъ въ подданство калмыковъ было положено переселить на Волгу, къ тамошнимъ калмыцкимъ родамъ изъ племени торгоутовъ, которыхъ калмыки искони ненавидѣли. Это было для калмыковъ еще хуже крещенія: отъ соединенія съ торгоутами они упирались руками и ногами. Вышедшіе въ Россію двоеданцы (калмыки) разбѣгались отъ одного слуха о томъ, что ихъ поведутъ на соединеніе съ торгоутами. Потомъ этотъ планъ отмѣнили, какъ совершенно разорительный для двоеданцевъ, и рѣшили ихъ переселить во внутрь Сибири. И ихъ переселили бы, если бы компетентные въ этомъ дѣлѣ пограничные начальники не доказывали, что «ежели ихъ переселить, то, какъ уже дѣйствительно видимо было, что многіе приходящіе въ руссійское подданство зенгорцы померли, и онымъ послѣдовать можетъ таковой же случай»¹⁾. Но джунгары не могли, подобно двоеданцамъ, отдѣлаться отъ переселенія на Волгу. Сотнями и тысячами отправляли ихъ туда черезъ Оренбургъ. Во время пути крещенымъ калмыкамъ выдавалось по 3 коп. въ день. Ихъ сопровождалъ сильный конвой, которому предписывалось «смотрѣть, чтобъ калмыки утечки не сдѣлали; на верховыхъ лошадей не сажать, оружія и лошадей въ руки не давать, встрѣчи съ киргизами избѣгать, а если встрѣтятся, то говорить, что то не плѣнные, а тобольскіе старожилы и ѣдутъ по желанію своему въ Оренбургъ на поселеніе вмѣстѣ съ своими родственниками»²⁾. При ихъ встрѣчахъ телѣги велѣно было закрывать рогожами, чтобъ «киргизы азіанъ не видѣли»³⁾. Какъ ни многочисленны были нѣкоторыя изъ этихъ партій, но дорогою постепенно они еще болѣе увеличивались, принимая калмыковъ изъ всѣхъ попутныхъ мѣстъ. Такъ, въ партіи майора фонъ-Эндена, вышедшей изъ Бійска 28 іюня 1757 г., подъ конвоемъ 305 человекъ съ 2 пушками, было калмыковъ 2,284 человека. Отъ Бійска до Семипалатинска фонъ-Энденъ набралъ новыхъ джунгаръ и вышелъ изъ послѣдняго города съ 3,179 человекъ⁴⁾. Впрочемъ, большая часть партій не была такъ многочисленна, а ограничивалась нѣсколькими сотнями человекъ. На дорогѣ калмыки терпѣли тотъ же голодъ и тѣ же стѣсненія, какъ и во время жительства въ крѣпостяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ успѣвали бѣжать, но большую часть рѣшившихся на побѣгъ ловили и жестоко наказывали. Отъ голода и болѣзней множество умирало. Такъ, напр., въ упомянутой партіи фонъ-Эндена во время слѣдованія отъ Бійска до Ямышева умерло калмыковъ 274 челов. и отъ Ямышева до Омска умерло 214. Хорошо, значить, содержали и обращались съ ними! Впрочемъ, Щетневъ, провожавшій партію послѣ фонъ-Эндена, рапортуетъ, что такая смертность зависѣла не отъ начальства, а «отъ воли Божіей»; что калмыки

мерли не отъ голоду, а отъ лихорадки и поносу, и что объ ихъ здоровьѣ начальство заботилось, ибо къ партіи былъ приставленъ «въ должности алкарской подпрапорщикъ»¹⁾.

Но оставимъ этихъ несчастныхъ и обратимся къ ихъ не менѣе несчастнымъ землякамъ, попадавшимъ въ неволю къ русскимъ.

Паденіе Джунгаріи имѣло самое сильное вліяніе на усиленіе сибирскаго рабства, тѣмъ болѣе, что незадолго до этого паденія вышелъ въ 1737 г. уже упомянутый нами указъ императрицы Анны, 6 § котораго узаконилъ существованіе сибирскаго невольничества. Конечно, и безъ этого указа сибиряки сумѣли бы захватывать выбѣгавшихъ джунгаровъ въ рабство и удерживать ихъ за собою, не смотря на запрещеніе законовъ, но упомянутый указъ все-таки далъ сильный толчокъ усиленію сибирскаго невольничества. Со времени паденія Джунгаріи главнымъ мѣстомъ процвѣтанія рабства становится юго-западная Сибирь, по всей джунгарской и киргизской границѣ развивается обширная работоторговля, главнымъ внутреннимъ рынкомъ которой дѣлается ирбитская ярмарка.

Выше мы видѣли, что большинство выбѣгавшихъ калмыковъ были жалкими нищими, умиравшими съ голода и не могшими пропитывать не только свое семейство, но даже и самихъ себя. И эти несчастные продавали русскимъ или даже отдавали даромъ своихъ родственниковъ, рабовъ, даже самихъ себя. Такъ въ Устькаменогорскѣ въ 1756 г. «вступившіе въ протекцію Ея Им-го Вел-ва урунхайскіе старшины Яканъ и Дархуръ вѣдомства своего мальчика и дѣвку, именуемыхъ Онгономъ и Жиргалъ Ебаковыхъ, по неимѣнію отца и матери и родственниковъ и по невозможности пропитать, подарили луцкаго полку капитану фонъ-Траубенбергу въ вѣчное услуженіе». По этой же самой причинѣ старшины подарили капитану Долгову мальчика, сержанту Ердыкееву бабу раненую съ сыномъ, а регистратору Деятіаровскому бабу съ двумя ранеными сыновьями; телецкій зайсанъ Менко подарилъ калмыченка поручику Степанову, также «по сиротству и по неимѣнію пропитанія»²⁾. Однажды выбѣжавшіе на границу калмыки объявили начальству, что недалеко въ горахъ остались отъ нихъ нѣсколько человекъ раненыхъ и малолѣтнихъ, «которые де по тогдашнему зимнему воздуху и по неимѣнію у нихъ одежды могутъ какъ голодомъ, такъ и отъ морозовъ безвременно помереть, изъ которыхъ нѣкоторые и померли, а они взять ихъ къ себѣ не желаютъ, потому что и своими людьми какъ пропитаться—знать не могутъ». Въ горы были посланы люди съ санями и привезли 20 изнемогшихъ отъ голода и ранъ калмыковъ. Изъ нихъ десять человекъ калмыцкіе старшины взяли себѣ, а десять раздали русскимъ³⁾. Большею частью эти подарки дѣлались лицамъ чиновнымъ и поэтому были взятками; такъ, напр., когда въ декабрѣ 1756 г. полковникъ де-

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 412.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 24.

³⁾ Ibid., стр. 215.

⁴⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 180, 228.

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 35.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 188.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 267.

Гаррига обѣзжалъ калмыцкіе кони, то старшины вали ему въ подарокъ дѣвку, чтобы онъ оставилъ ихъ при Шульбинскомъ заводѣ и не посылалъ бы на Волгу¹⁾. Часто чиновники, не дожидаясь добровольныхъ приношеній или не довольствуясь ими, силою отнимали у калмыковъ ихъ дѣтей и родственниковъ и обращали въ рабство. Такъ, напр., регистраторъ Деятіаровскій во время своего, уже упомянутого нами грабежа въ калмыцкихъ кошахъ отнялъ, между прочимъ, мальчика и дѣвушку. Впрочемъ, когда на него калмыки пожаловались, то онъ отперся отъ насильнаго захвата этихъ ребятъ, говоря, что калмыки, по неимѣнію пищи, сами продали ему ихъ за 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ²⁾. Такъ по доносу выборнаго при таможенѣ Сары-ханова, капитанъ Траубенбергъ и другіе чины получали отъ калмыковъ «въ братейство» золото, серебро и жемчугъ и силою вымѣнивали себѣ въ холопство калмыковъ и калмычекъ³⁾. Эти грабежи и поборы людьми были такъ обыкновенны, что каждый офицеръ, каждый чиновникъ, даже множество простыхъ солдатъ и казаковъ обзавелись въ это время многочисленною калмыцкою челядью.

Еще болѣе приобрѣталось невольниковъ посредствомъ покупки. Число джунгаровъ, желавшихъ продать своихъ людей русскимъ или продаться самимъ въ неволю, постепенно возрастало, по мѣрѣ усиленія бѣдствій, положившихъ конецъ джунгарскому ханству. Вмѣстѣ съ умноженіемъ продавцевъ возросло и число законныхъ рабо-покупателей. Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ право купцамъ и юрточнымъ бухарцамъ вымѣнивать и покупать калмыковъ, съ тѣмъ, чтобы обращать ихъ въ христіанство или перепродавать въ руки христіанъ, а «во мзду за окрещеніе оставлять крещенныхъ въ вѣчномъ услуженіи у покупателей-христіанъ». Тогда дворни чиновныхъ лицъ, кушцовъ и посадскихъ наполнились «масками: то калмыцкими, то киргизскими», по заковыристому выраженію историка Сибири⁴⁾. Нищіе родители продавали своихъ дѣтей, чтобы предохранить ихъ и себя отъ голодной смерти; мужья продавали женъ; родовые старшины продавали приставшихъ къ нимъ бездомныхъ скитальцевъ и сиротъ. Цѣны рабовъ разнообразились сообразно обстоятельствамъ продавцевъ и качествамъ продаваемыхъ. Хорошенькая и молоденькая калмычка, покупаемая для наложницы какого-нибудь сладострастному офицеру, стоила, конечно, дороже дряхлой старухи или слабого ребенка. Такъ, напримѣръ, полковникъ фонъ-Энденъ купилъ подобную калмычку за 1 корову, 2 суковныхъ кафтана желтаго сукна, 1 портище и 2 конца китайки⁵⁾. Высшими цѣнами за рабовъ можно принять цѣны, платившіяся калмыкамъ за рабовъ, выкупавшихся изъ ихъ неволи русскими

или бухарцами. Такъ, напримѣръ, бухарецъ Шиховъ платилъ за такихъ рабовъ:

- за бабу 40 лѣтъ. 12 руб.
- » бухарца 30 лѣтъ съ
- бабою тѣхъ же лѣтъ . . . 1 мерина, 1 жеребца да деньгами 16 руб.
- » бурутку 7 лѣтъ 6 руб.
- » бухарца 34 » 12 »
- » бухарца 12 » 1 мерина да денегъ 1 руб.
- » бухарку 12 » 1 мерина да 2 желтыхъ зендени.
- » киргизку 40 » 1 мерина и денегъ 6 р.
- » бухарца 40 » 12 руб.
- » бухарца 15 » 12 »
- » бурутку 16 » 12 »
- » бухарку 17 » 12 »
- » бухарца 1 кобылу, да 10 коп.
- » дѣвку 25 лѣтъ 1 сѣрый сермяжный зипунъ.
- » бухарца 13 лѣтъ 8 руб.¹⁾

Это цѣны—чрезвычайно высокія по тогдашнему. Большинство покупаемыхъ рабовъ стоило гораздо дешевле; многіе калмыки продавались сами и продавали въ вѣчное холопство дѣтей только за одежду и пищу, которыя хозяинъ долженъ былъ доставлять имъ во время ихъ неволи. Но и это была еще не самая низкая цѣна; и въ то время, и послѣ калмыцкихъ ребятъ можно было купить копѣекъ по 10—15 за штуку или просто вымѣнять на незначительное количество пищи. Въ одномъ изъ городовъ западной Сибири до сихъ поръ живетъ одинъ купецъ калмыцкаго происхожденія, купленный въ дѣтствѣ за *лукойко ржаной муки*. И такая цѣна была не рѣдкою!

Кромѣ мирныхъ способовъ приобрѣтенія рабовъ, и во время паденія Джунгаріи, и послѣ него, русскіе добывали ихъ посредствомъ военныхъ и разбойничьихъ дѣйствій противъ кочевавшихъ за сибирскою границею калмыковъ. Эти набѣги носили тотъ же варварскій характеръ, какъ и прежде. Официальною цѣлью ихъ были развѣдки «о джунгарскихъ обращеніяхъ» или поимки калмыцкихъ воровъ и мошенниковъ, тревожившихъ русскую границу; средствомъ для этихъ развѣдокъ была попрежнему пытка всѣхъ встрѣчныхъ калмыковъ. Вотъ, напр., въ 1757 г. отправляется за границу для развѣдокъ полковникъ де-Гаррига съ довольно сильнымъ военнымъ отрядомъ. Поймали одного калмыцкаго мальчика и начались допросы. Но на помыцкаго мальчика де-Гаррига «утвердился неказаніяхъ калмыченка де-Гаррига «со всякими смертельными пристрастками», отъ которыхъ калмыченка, «по малолѣтству», долженъ былъ сказать правду²⁾. Возвращаясь изъ подобныхъ походовъ, русскіе приволили въ Сибирь не мало калмыцкихъ плѣнниковъ, обращавшихся въ рабство. Вотъ, напр., въ 1760 г. прапорщикъ Ширяевъ выступилъ изъ Чагырской

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 197.

²⁾ Ibid.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

⁴⁾ Словцовъ, т. II, 17—18.

⁵⁾ Погр. Дѣла, т. XXVII, стр. 232.

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 46.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 482.

товщиковъ. Эти походы позорятъ собою все сношенія сибиряковъ съ киргизами вплоть до половины настоящаго столѣтія. Эти походы, кромѣ поживы имуществами киргизовъ, доставляли Сибири довольно рабовъ-плѣнниковъ, а разоряя киргизовъ и доводя ихъ до безысходной нищеты, они заставляли ихъ страшно усиливать продажу людей въ русскую неволю.

Вотъ, напр., въ первыхъ числахъ ноября 1743 года, около Шульбинскаго завода, Семипалатинска и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ были замѣчены разбѣжающіе киргизы. 5 ноября изъ Желѣзинской крѣпости былъ командированъ капралъ Вершининъ съ командою изъ 24 человекъ для присмотра непріятельскихъ людей и ихъ воровскихъ трактовъ. И отъ крѣпости въ 5 верстахъ напала на нихъ казачья орда, и сказывали тѣ непріятельскіе люди: «мы де мирные люди и ѣдемъ торговать въ Желѣзинскую крѣпость». И послѣ того они учинили съ нимъ, Вершининымъ, бой; и того бою было до ночи». Киргизы начали одолевать, и казаки просили изъ крѣпости сикурсу. На выручку ихъ посланъ былъ капралъ Пузинъ съ 42 челов. и 1 пушкой, но Пузинъ киргизовъ уже не засталъ и выслѣдить ихъ не могъ. Ноября 6 подѣхали къ Желѣзинску два киргиза и захвачены въ крѣпость. Ноября 3 въ Семипалатинскѣ одинъ солдатъ объявилъ, что видѣлъ онъ за Иртышемъ «невѣдомо какихъ людей». Послана въ погоню команда изъ 30 человекъ, но она никого не нашла и только захватила въ плѣнъ одного киргиза. 8 ноября изъ Черлаковскаго форпоста сотникъ Дороховъ ѣздилъ съ казаками по степной сторонѣ для присмотра непріятельскихъ людей, и наѣхалъ онъ на 30 киргизовъ, «изъ оныхъ непріятельскихъ людей 2 человекъ поймали, а за остальными погнались». Въ помощь имъ изъ форпоста послано еще 31 человекъ. Дороховъ съ командою набѣжалъ на киргизскіе улусы, «и оныхъ мужеска полу бойцовъ человекъ 50 и отъ улусу верстахъ въ двухъ еще человекъ 20, и оныхъ улусахъ баталія была во второмъ часу ночи, и съ оной баталіи привезъ онъ, Дороховъ, 20 человекъ плѣнниковъ и скота многое число». По требованію Дорохова, командировано ему въ помощь для вторичнаго набѣга изъ Омска 117 человекъ, да изъ Черлакова 31 человекъ, «и, соединясь все вообще, они 13 ноября въ степь отправились». Черезъ пять дней похода нашли они на киргизскіе улусы, «и изъ тѣхъ улусовъ черезъ огненное оружіе взято въ полонъ мужескаго и женскаго полу 42 человека, 790 лошадей и 22 верблюда. И тотъ полонъ за помощію Божіею выведенъ въ Омскую крѣпость, во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную взятую имъ добычу—*людей, лошадей и верблюдовъ*—отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы впредь многіе върноподданые охоту и не малую ревность имѣли. А по справкѣ съ присланнымъ въ 1735 г. ея и—го в—ва указомъ, въ которомъ велѣно взятыхъ въ полонъ непріятельскихъ людей вырослыхъ въ сибирскую губернскую канцелярію подъ крѣпкимъ карауломъ препрово-

ждать, а малолѣтнихъ мужеска и женска пола и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ взялъ, чтобъ служилые люди къ поиску непріятельскихъ людей и впредь охоту имѣли. И по силѣ онаго указа преднаписанные завоеванные мужескъ полъ молодые, а женскъ старыя и молодыя, такожъ верблюды и кони раздѣлены по тѣмъ, которые при взятѣ той добычи были»¹⁾. Эти набѣги производились сибиряками такъ ревностно и безсовѣстно, что, по предложенію оренбургскаго начальства, въ главномъ вѣдѣніи котораго находились тогда киргизскія дѣла, правительство «повелѣло накрѣпко наблюдать, чтобъ прежде, пока объ ихъ киргизскихъ противныхъ и злыхъ противъ Россіи намѣреніяхъ подлинно не увѣдомлено будетъ, съ російской стороны дѣйствъ не оказывать и войскамъ оныхъ не чинить». Оренбургская губернская канцелярія находила, что часто изъ захваченныхъ въ полонъ «измѣнниковъ киргизцевъ» за многими «не токмо виновности, но и сомнѣнія никакого не видно, и ихъ задерживали безъ всякой причины»; военныя сибирскія партіи, по мнѣнію той же канцеляріи, ходили подъ киргизскіе улусы безъ нужды и дѣлали свои разбойничьи набѣги совершенно противозаконно. Но эти набѣги продолжались вплоть до половины настоящаго вѣка.

Такъ, напр., въ 1807 г. оренбургскіе киргизы ограбили Вали-Хана, и онъ просилъ защиты у сибирскаго начальства, которое и выслало въ степь 100 казаковъ. Они начали грабить встрѣчнаго и поперечнаго, и самъ Вали просилъ избавить его поскорѣе отъ такихъ защитниковъ. Такъ, въ 1842 г. знаменитый бунтовщикъ султанъ Кенисара въ своемъ рапортѣ, присланномъ оренбургскому начальству, подробно исчисляетъ обиды, нанесенныя ему сибирскимъ начальствомъ. Походы сибиряковъ въ степь онъ называетъ грабежами. Меня грабили—пишетъ онъ—по наговору султана Яман-тая въ 1825, 1827, 1830, 1831, 1832, 1836 годахъ; потомъ опять грабили въ 1837 г. два раза, въ 1838 г. четыре раза, въ 1840 г. три раза²⁾. Около того же времени ходилъ въ степь полковникъ Ѳедоръ Набоковъ; онъ прошелъ съ огнемъ и мечомъ и навелъ на киргизовъ такой страхъ, что даже до сихъ поръ они боятся проѣзжать мимо могилы этого *Чадырь-Богатыря* (богатыря Ѳедора). Для возвращенія захваченныхъ сибиряками скота и киргизовъ, ихъ родичи и султаны употребляли все успія; но ихъ старанія почти никогда не имѣли успѣха. Большею частію русскіе отвѣчали, что полонъ можетъ быть возвращенъ киргизамъ только въ томъ случаѣ, если они, съ своей стороны, отдадутъ всехъ захваченныхъ ими русскихъ подданныхъ. Когда же сибирякамъ предписывалось возвратить пограбленный у киргизовъ военными командами скотъ, то командиры рапортовали, что «нѣкоторые лошади и верблюды пали, другіе убѣжали въ степь,

¹⁾ Экстрактъ, 31 марта 1745 г., объ обидахъ, учиненныхъ киргизамъ.

²⁾ Мейеръ, стр. 29 и 59.

вныя проданы»¹⁾. Что же касается плѣнныхъ людей, то ихъ не возвращали обыкновенно подъ тѣмъ предлогомъ, что они окрещены. Вотъ что писалъ, напр., оренбургскій губернаторъ Неплюевъ начальнику сибирскихъ войскъ Киндерману: «что касается тѣхъ киргизъ-кайсаковъ, кои по поимкѣ въ разныя руки достались и въ православную вѣру приведены, слѣдственно, *какъ бы то сдѣлано ни было*, отпущать ихъ въ орду, яко крещеныхъ, невозможно, и такъ въ отговорку киргизъ-кайсакамъ другого резону нѣтъ, какъ только сей, что *по ихъ собственному желанію оное воспріяли*, и по закону православному возвратить ихъ уже не можно, *да они и сами того не желаютъ*»²⁾. Дѣйствительно же причиною невозвращенія изъ Сибири киргизскихъ плѣнниковъ было то, что они обращались въ рабство, развозились по разнымъ мѣстамъ и часто поступали въ неволю къ тѣмъ самымъ чиновникамъ, у которыхъ киргизы хлопотали о возвращеніи плѣнниковъ. Такъ, напр., Аблай-султанъ особенно хлопоталъ о возвращеніи родственниковъ Алимбетъ-Батыря; но по справкѣ оказалось, что они были въ рабствѣ: «женка Хурумза у превосходительнаго генералъ-маіора и губернатора Сухарева, женка Аимъ и дочь ея дѣвка у полковника Вендейга, женка Сулуча у секретаря Карташева, и оныя уже окрещены»³⁾.

Кромѣ полону, русскіе пріобрѣтали отъ киргизовъ рабовъ посредствомъ покупки. Эти невольники состояли главнымъ образомъ изъ калмыковъ, тысячи которыхъ томились въ киргизской неволѣ, особенно послѣ паденія Джунгаріи. Бѣжавшіе въ 1777 г. съ Волги калмыки доставили киргизамъ отличный случай увеличить число ихъ калмыцкихъ рабовъ. Бѣжавшіе калмыки «ошибкою трафили на великіе пески, отчего много оныхъ побросано; за упадкомъ лошадей и по нападенію киргизскаго Аблая-султана многіе разграблены ими (киргизами) и взяты въ плѣнъ весьма много вымѣняно оныхъ отъ киргизъ купечеству въ Россію»⁴⁾. Продажа калмыковъ и другихъ націй киргизскихъ плѣнниковъ въ сибирскую неволю совершалась вплоть до конца двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и часто эти рабы стоили покупателю копѣекъ 10—20 штука или даже просто вымѣнивались за лукошко ржаной муки. Впрочемъ, эти рабы вывозились на сибирскую линію для продажи только въ голодные годы, «въ прочее время владѣльцы ихъ, имѣя способы удобно сбывать ихъ между собою и за цѣну высшую, чѣмъ россиянамъ, не продавали ихъ на линіи»... Положеніе этихъ рабовъ у киргизовъ было самое жалкое. «Находясь у киргизъ, они не знаютъ собственности и передаются отъ одного владѣльца къ другому, какъ обыкновенная въ частной жизни вещь, покупкою, мѣною и разными сдѣлками пріобрѣтаемая; часто они выводятся и ставятся *на байги* (конскіе бѣга) вмѣстѣ съ лошадьми и поступаютъ въ призъ отличившимся въ

скачкѣ. Въ дѣлахъ судныхъ закономъ введено взыскивать съ обвиненныхъ штрафъ калмыками и скотомъ». Число этихъ невольниковъ въ началѣ XIX вѣка значительно уменьшилось у киргизовъ. «Причина тому очевидна. Киргизы, имѣя надъ калмыками неограниченную власть, весьма часто разлучаютъ мужа съ женой по своему произволу, отдавая ихъ въ разныя руки, или, какъ выгоднѣе, оставляя у себя одного, продаютъ другую постороннему владѣльцу или же удерживаютъ при себѣ въ наложницахъ, отчего мужчины большею частію холосты. Бракъ съ киргизкою не дозволенъ калмыкамъ, но если владѣлецъ, по снисходительности, и женить на ней невольника, то сей вступаетъ уже въ права, равныя киргизамъ, и освобождается отъ рабства»¹⁾. Въ голодные годы вмѣстѣ съ рабами киргизы продавали въ рабство своихъ дѣтей. Постоянныя междоусобія, деспотизмъ султановъ и хановъ, набѣги русскихъ командъ, частыя эпидеміи—все это разоряло киргизскій народъ и навлекло на него ужасныя бѣдствія. Тому же содѣйствовали и многія административныя мѣры. Напр., употреблялись всѣ средства, чтобы не дать киргизамъ сдѣлаться осѣдлыми земледѣльцами. Графъ Сухтеленъ сочинилъ теорію, что киргизы полезны Россіи, какъ кочевой народъ, какъ потребители нашего хлѣба и мануфактуръ, какъ производители кожъ и другого сырья; поэтому ихъ должно удерживать въ полудикомъ состояніи. Даже въ 1854 г. Перовскій сдѣлалъ пограничной комиссіи строгое замѣчаніе за то, что она не препятствовала киргизамъ строить за Ураломъ землянки²⁾. Поэтому, при каждомъ неурожаѣ хлѣба въ русскихъ пограничныхъ мѣстахъ, киргизы умирали съ голода и для спасенія своей жизни продавали въ рабство своихъ дѣтей. «Въ началѣ XIX столѣтія—говоритъ Мейеръ—торгъ дѣтьми дошелъ до обширнѣйшихъ размѣровъ»³⁾. Въ особенно бѣдственномъ положеніи киргизы находились съ 1811 по 1814 г., «когда они выѣзжали со своими дѣтьми на линію и тамъ мѣняли ихъ низкою цѣною на деньги, муку и скотъ. Къ открывшейся тогда въ степи заразѣ на скотъ присоединились глубокіе снѣга и гололедища, двѣ зимы сряду продолжавшіеся. Въ семь состоянія тѣ изъ нихъ, кои не имѣли другого имущества, кромѣ скота, лишившись его, прибѣгли къ крайнему средству пропитанія своего, къ продажѣ дѣтей»⁴⁾. Сперанскій въ своей запискѣ, поданной имъ въ государственный совѣтъ, замѣчаетъ объ этой работоторговлѣ, что «дѣти калмыцкія и киргизскія, на сибирскую и оренбургскую линіи киргизами привозимыя, обыкновенно привозятся на мѣвовые дворы и тамъ скупаются оптомъ или вымѣниваются на товаръ мѣщанами, кои сямъ промысломъ занимаются. Цѣна ихъ на мѣстѣ обыкновенно отъ 10 до 25 р., рѣдко бываетъ выше. Промышленники содержатъ ихъ въ неволѣ и изнуряніи отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда обыкновенно

¹⁾ Реп. Павлуцкаго, мартъ 1745.

²⁾ Письмо Неплюева, 26 сентября 1745 г.

³⁾ Репортъ Павлуцкаго, сентябрь 1745 г.

⁴⁾ Лѣтопись Андреева, рукопись 1789—1800 г., листъ 24.

¹⁾ Журналъ омскаго областного совѣта, 30 іюля 1826 г.

²⁾ Мейеръ, стр. 47 и 72.

³⁾ Ibid., стр. 27.

⁴⁾ Журн. омск. обл. совѣта, 30 іюля 1826 г.

производится вымѣнъ до зимы. Въ декабрѣ и январѣ, нагрузивъ ими фуры, отвозятъ ихъ обыкновенно на прѣитскую ярмарку, въ февралѣ мѣсяцѣ бывающую, и тамъ продаютъ или обмѣниваютъ въ розницу купцамъ и мѣщанамъ, кои потомъ распродаютъ ихъ или обращаютъ въ подарокъ. Излишне описывать всѣ жестокости и страданія, съ симъ торгомъ сопряженные»¹⁾.

V.

Мы говорили, что до половины XVIII в. рабство не могло развиваться въ Сибири до очень обширныхъ размѣровъ, потому что рабы требовались только для домашнихъ работъ и служили орудіями передвиженія, подмогою лошадей. Съ этого же времени рабство значительно усиливается, и въ Сибири начинаетъ образовываться сословіе дворянъ-рабовладельцевъ. До этого времени дворянство сибирское было только призракомъ дворянства. Авторъ «Домовой Лѣтописи» справедливо замѣчаетъ, что «приходившіе изъ Россіи дворяне поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ онымъ выгодно было казаться, почему и привилегіи дворянства своего растратили, такъ что, наблюдая свой покой, многіе уклонялись въ хлѣбопашество и разные звѣринные промыслы, а чрезъ то наложили на себя иго крестьянства, перешли въ подушный окладъ и въ духовенство и разныя степени жизни, перемѣняли и свою фамилію»²⁾. Впрочемъ, нѣкоторые изъ російскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, послѣ переселенія въ Сибирь, сохраняли свое званіе и назывались *сибирскими*. Потомъ многіе верстаны въ это званіе въ Сибири по царскимъ указамъ или властью воеводъ и позднѣе губернаторовъ, «за многотрудныя службы, осадное сидѣнье, голодное терпѣнье», а иногда за службу отца. Дѣти боярскія и сибирскіе дворяне получали особое жалованье, рублей по 5—25 въ годъ, по нѣскольکو четвертей хлѣба и крупъ, по нѣскольکو пудовъ соли и сѣнокосныя земли, бывшія наслѣдственными. Указомъ сената 1727 г. «съ дворянъ и дѣтей боярскихъ сибирской губерніи и съ дѣтей ихъ, кои будутъ комплектованы на мѣсто умершихъ—податей подушныхъ брать не велѣно». Но въ 1737 г. дѣти боярскія всѣ обращены военной коллегіей на службу и поставлены наравнѣ съ казаками³⁾. Еще до этого времени нѣкоторые изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ пріобрѣтали себѣ вотчины, и въ Сибири появилось сословіе помѣщичковъ-вотчинниковъ. Въ числѣ ихъ было много казаковъ, купцовъ, приказныхъ, духовныхъ. Они селились на этихъ земляхъ рабовъ-инородцевъ, ссыльныхъ и бродягъ, которыхъ имъ удавалось записывать за собою. Противъ этого вооружался еще царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ⁴⁾. Но въ XVIII в. усиленіе запроса на хлѣбъ вело за собой усиленіе

хлѣбопашества, особенно въ южныхъ пограничныхъ мѣстахъ Сибири. Рабы, такимъ образомъ, начинали пріобрѣтать небывалую до тѣхъ поръ въ Сибири цѣну, какъ производители хлѣба. Люди, умѣющіе понимать смыслъ обстоятельствъ и извлекать изъ нихъ барыши, люди, имѣвшіе при томъ возможность владѣть рабами, обзаводились землей и начали воздѣлывать ее невольничьимъ трудомъ¹⁾. Мы имѣемъ въ рукахъ интересный дневникъ одного изъ этихъ рабовладельческихъ сельскихъ хозяевъ. Одинъ изъ предковъ Андреева, умершій въ 1739 г., купилъ въ 12 верстахъ отъ Тобольска деревню Этыкерovu, «накупя людей и содержа въ оную, жизнь свою препровождалъ въ изобиліи». Сынъ его увеличилъ это рабовладельческое имущество тѣмъ, что, будучи избранъ въ башкирскую войну, онъ получилъ «башкирцевъ шесть человѣкъ въ вѣчное владѣніе, которые и поселены были въ деревнѣ, которую отецъ ему по духовной отказалъ». Упомянутая деревня вмѣстѣ съ рабами досталась автору лѣтописи. Живя безъ господскаго надзора, «не имѣвъ надъ собою смотрѣнія и не видя господъ», эти рабы, при ревизіи 1783 г., «взбунтовавъ, подавали челобитныя, называя себя вольными людьми.. Съ великимъ трудомъ приведя ихъ въ страхъ и показавъ, что есть господа, я отправилъ ихъ въ крѣпость Семипалатинскую съ капраломъ Кочевымъ»... Купивъ землю и мельницу, Андреевъ построилъ домъ руками своихъ рабовъ и снабдилъ ихъ лошадьми, скотомъ рогатымъ, баранами, свиньями, курами, дешевою посудой, хлѣбомъ. «Великаго стоило мнѣ труда приводить распутныхъ сихъ людей въ порядокъ»... «Накупилъ я лошадей, завелъ рогатаго скота, птицы, употребляя людей и лошадей къ ломкѣ и возкѣ соли и къ прочимъ случающимся подѣлкамъ, и весьма жизнь свою поправлять всякимъ заведеніемъ началъ, а сверхъ того, какъ для себя, такъ и для коменданта многія вещи крашивалъ, золочивалъ и разныя полезныя показывая услуги, и жизнь свою препровождалъ съ удовольствіемъ»²⁾. Другіе рабовладельцы вели свои дѣла подобнымъ же образомъ. Понятно, что положеніе рабовъ было вообще чрезвычайно тяжкое. Задавленные работой, они постоянно страдали отъ палокъ, плетей и розогъ, раздававшихся щедро господами, «препровождавшими жизнь свою съ удовольствіемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго замѣчанія Сперанскаго, цѣна рабовъ, съ обращеніемъ ихъ силъ на производительный сельско-хозяйственный трудъ, поднялась до 25 рублей за мальчика. Развитіе сельскаго хозяйства придавало сибирскому рабству новыя силы. И по всей вѣроятности, если бы правительство не уничтожило рабства, если бы послѣднее просуществовало до развитія въ Сибири фабричной и золотой промышленности, то его размѣры значительно увеличились бы.

Но въ то время, какъ сибирскіе рабовладельцы

¹⁾ Указъ Сената Капцевичу, января 30, 1826 г.

²⁾ Лѣтопись Андреева, листъ 7.

³⁾ Этнографич. Сборникъ, выпускъ V, Словцовъ, т. II, прилож. 11—13.

⁴⁾ Д. къ А. И., III, стр. 228.

¹⁾ Гагемейстеръ, Статистическое обозрѣніе Сибири, т. II, стр. 77.

²⁾ Лѣтопись Андреева, листъ 9, 22, 28 и 29.

«препровождали жизнь свою съ удовольствіемъ», въ отдаленномъ Петербургѣ замышлялось уже освобожденіе невольниковъ. Первый ударъ невольничеству былъ нанесенъ высочайшимъ указомъ 23 мая 1808 г. Въ немъ говорилось:

а) Всѣмъ російскимъ подданнымъ свободныхъ состояній покупать и вымѣнивать на линіи киргизскихъ дѣтей дозволяется, съ тѣмъ, чтобъ:

б) таковыя обоюга пола, по достиженіи 25-лѣтняго возраста, всѣ безъ изъятія должны быть свободными;

в) всѣ, покупающіе или вымѣнивающіе ихъ, должны предъявлять о сей покупке оренбургской пограничной комиссіи;

г) каждый купленный или вымѣненный невольникъ, по истеченіи 25-тилѣтняго возраста, какъ свободный, долженъ избрать состояніе по способности и произволению;

д) право на владѣніе каждому покупателю дозволяется передавать, кому онъ пожелаетъ. Но по достиженіи 25-тилѣтняго возраста эти киргизы свободны и отъ новыхъ хозяевъ;

е) невольникъ, женившійся, по достиженіи имъ 25-тилѣтняго возраста, свободенъ съ женою и дѣтьми, хотя бы женился и на крѣпостной своего хозяина;

ж) правила сіи распространяются на всю сибирскую линію.

Рабовладѣльцы были ошеломлены этимъ указомъ, но не надолго. Тогдашняя Сибирь нисколько не была лучше Сибири XVII в., когда ставили ни во что царскіе указы, запрещающіе невольничество. Той же судьбѣ подвергся сначала и указъ 1808 г. Его исполненіе зависѣло отъ чиновниковъ, которые были сами рабовладѣльцами и поэтому были заинтересованы въ поддержаніи невольничества. Рабовладѣльцы же, не бывшіе чиновниками, избавлялись отъ дѣйствія этого указа посредствомъ взятокъ. Между тѣмъ рабы, узнавъ о выходѣ упомянутаго указа, заволновались: покупали гербовую бумагу, нанимали сочинителей и переписчиковъ прошеній подавали просьбы о своемъ освобожденіи. Но рабовладѣльцы не дремали, и старались выводить изъ своихъ невольниковъ мысль о свободѣ посредствомъ палокъ и розогъ. Стоило только отослать такого раба при запискѣ въ полицію, или просто отвести его на свою конюшню, и ему задавали такую баню, что, пожалуй, и дѣйствительно выбивали всякую мысль объ освобожденіи. Такъ, напримѣръ, въ Омскѣ, коллежскій совѣтникъ Камаевъ своего раба, киргиза Александра, «наказалъ при полиціи 200-ми лозъ, а послѣ сего ввергнулъ его въ тюремное заключеніе, гдѣ онъ находился больше мѣсяца, съ употребленіемъ на городовую работу». Вина Александра состояла въ томъ, что онъ написалъ одному своему родственнику просьбу объ освобожденіи отъ рабства¹⁾.

Ищущимъ свободы невольникамъ доводилось часто получать за это двойное наказаніе—и отъ

своихъ господъ, и по приговору того судебного мѣста, въ которомъ они ходатайствовали о своемъ освобожденіи. Высочайшимъ указомъ 23 апрѣля 1744 г. было постановлено, что «ежели кто изъ крещеныхъ калмыковъ и другихъ націй людей, безъ позволенія помѣщиковъ своихъ, у коихъ они, по силѣ указа 1737 г., живутъ, будутъ къ ревизіи приходить и проситься, не имѣя никакого письменнаго вида отъ тѣхъ своихъ помѣщиковъ, на волю, таковыхъ, за таковое своевольство, наказывая батогами, отсылать къ тѣмъ же помѣщикамъ и къ прочимъ». Основываясь на этомъ постановленіи, нѣкоторые суды, наприм., тобольскій магистратъ и уѣздный судъ, приговаривали къ наказанію батогами и къ отдачѣ рабовладѣльцамъ тѣхъ невольниковъ, которые, по указу 1808 г., имѣли полное право на освобожденіе¹⁾. Нѣкоторымъ отказывали въ освобожденіи на томъ основаніи, что указъ 1808 г. относится только къ купленнымъ и вымѣненнымъ невольникамъ, а просители, дескать, были сначала «завоеваны», а потомъ уже проданы!²⁾. Часто суды или вовсе не принимали невольничьихъ просьбъ, или откладывали ихъ въ долгій ящикъ. Но скоро эти несправедливости сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, и сенатъ своимъ указомъ о прекращеніи ихъ и своими угрозами о жестокомъ наказаніи виновныхъ чиновниковъ, навелъ на нѣкоторыя присутственныя мѣста такой страхъ, что они начали освобождать рабовъ чрезвычайно скоро и безъ всякихъ формальностей. Омскіе дворяне жаловались, напр., что «омское областное правленіе, на основаніи указа 1808 г., только по собственнымъ своимъ резолюціямъ, безъ судебного производства и приговора, даетъ свободу находящимся у дворянъ въ услуженіи людямъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста»... «Такія дѣйствія омскаго областного правленія, по освобожденію достигшихъ 25-ти лѣтъ невольниковъ, и поселили въ умахъ легковѣрныхъ и склонныхъ къ праздности калмыковъ вольность; они всѣ уже готовы были искать оной и, ходатайствуя о томъ съ надеждою, выходили изъ повиновенія господъ своихъ и тѣмъ наносили общее неудовольствіе и невозвратный убытокъ»³⁾. Между тѣмъ петербургское правительство показывало, что оно желаетъ идти въ этомъ дѣлѣ даже далѣе указа 1808 г. Такъ, наприм., 8 февраля 1822 г. было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о выдачѣ 150 р. за cadaго освобождаемаго невольника его хозяину. 6 октября 1825 г. постановлено, что если невольникъ самъ не захочетъ уходить отъ своего господина, то можетъ оставаться у него не иначе, какъ только на правахъ вольнонаемнаго. Рабовладѣльцы пуще прежняго начали вопіять о поправленіи своимъ «священныхъ правъ собственности». Въ Омскѣ, гдѣ однихъ только рабовладѣльцевъ-чиновниковъ было 31 человекъ, они

¹⁾ Дѣло объ освобожденіи невольниковъ, Арх. Главн. Управл. Западн. Сибири № 2301.

¹⁾ Дѣло объ ищущихъ вольности отъ рабства, Архивъ Главн. Управл. Зап. Сибири, № 54.

²⁾ Архивъ Главн. Управл. Западн. Сибири, дѣло № 2301.

³⁾ Ibidem.

замыслили ходатайствовать объ оставленіи невольниковъ за ними. Долго толковали объ этомъ по домамъ, за чайкомъ и водочкой, наконецъ, въ іюнѣ 1825 г. рабовладѣльцы составили общее собраніе и избрали повѣреннаго, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на высочайшее имя. Упомянувъ о произвольныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ по отбору невольниковъ, они въ упомянутомъ своемъ прошеніи продолжаютъ: «дѣйствіями сими омское дворянское сословіе, будучи озабоченнымъ даже до разстройства въ хозяйственности, опасается, чтобы на послѣдокъ не лишиться каждому всѣхъ рода сего людей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, употребленной на приобрѣтеніе, воспитаніе и обученіе ихъ собственности своей безъ возврата и не остаться вдругъ безъ всякой услуги, необходимой въ особенности для служащаго чиновника, — имѣло о томъ свое разсужденіе и, изложивъ оное за надлежащимъ подписаніемъ въ особомъ мнѣніи, поручило титулярному совѣтнику Яковлеву ходатайствовать у верховнаго правительства защиты и снисхожденія пребывающему въ Сибири дворянскому сословію, по уваженію нуждъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, въ отношеніи спокойнаго владѣнія калмыками съ происходящимъ отъ нихъ потомствомъ на основаніи коренныхъ законовъ, утверждавшихъ права сибирскихъ рабовладѣльцевъ»¹⁾. Указывая на юридическія основанія своихъ правъ, рабовладѣльцы стараются разжалобить правительство, разрисовывая передъ нимъ свое бѣдственное положеніе, до котораго необходимо должно довести ихъ освобожденіе рабовъ. «Чиновники, въ Сибири служащіе, — пишутъ они, — большею частью не имѣя возможности купить русскихъ крѣпостныхъ людей и надѣясь на дозволенное указомъ 1757 г. право приобрѣтать калмыковъ и владѣть ими вѣчно, только сихъ людей и имѣютъ, вымѣнивая на товаръ съ платежомъ пошлины и за владѣнную записъ денегъ; воспитывая ихъ подобно дѣтямъ, обучали разнымъ ремесламъ съ большими издержками, и нѣкоторыхъ изъ нихъ женили на крѣпостныхъ дѣвкахъ, доставляя имъ все нужное къ содержанию, приготавливая ихъ быть для себя и самихъ ихъ полезными. Но они, по природной ихъ азіатской склонности, забывъ отеческое объ нихъ попеченіе, прилагаемое при воспитаніи, и заботы, по внушеніямъ неблагонамѣренныхъ людей, стараются избыть отъ услугъ... Съ распубликованія послѣдняго о семъ узаконеніи (ук. 1808 г.), вымѣнъ ихъ отъ киргизъ по сибирской линіи почти прекратился, ибо издержки, долженствующія употребляться на вымѣнъ калмыченка, обученіе его правиламъ христіанской вѣры, образу жизни и какому-нибудь ремеслу, на воспитаніе его и на одежду, напр., съ 7 до 25-тилѣтняго возраста, никакъ не могутъ вознаградиться отъ услуги лучшаго изъ калмыченковъ; а очень много и такихъ,

кои почти ни къ чему не имѣютъ способности; найдутся еще и такіе, которые бываютъ покупаемы 24 лѣтъ отъ роду и не дешевле, какъ за 400 р. (?), кромѣ пошлины и прочихъ расходовъ. И ежели бы зналъ владѣлецъ, что таковой приобрѣтаемый имъ человекъ будетъ свободенъ, то, безъ сомнѣнія, не рѣшился бы на вымѣнъ его, сопряженный съ напрасной тратой денегъ. При законѣ 1808 г. не далѣе какъ черезъ пятнадцать лѣтъ всѣ уже до одного калмыка будутъ свободны, и чиновники въ Сибири, въ особенности же въ гражданской службѣ находящіеся, неминуемо потерпятъ въ услугѣ нужду, ибо въ здѣшнемъ краѣ сколько невозможно достать русскихъ крѣпостныхъ людей, столько же трудно имѣть и вольнонаемныхъ»¹⁾. Понятно, что ходатайство омскихъ рабовладѣльцевъ осталось безъ успѣха. Указы 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г. назначили срокъ для освобожденія всѣхъ невольниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретили впредь приобрѣтать ихъ. Но, вѣроятно, сибирскіе рабовладѣльцы имѣли въ Петербургѣ сильную руку, по крайней мѣрѣ, сибирскій генералъ-губернаторъ Капцевичъ держалъ ихъ сторону. И вмѣстѣ съ выходомъ упомянутаго закона объ эманципаціи невольниковъ было отдано два указа, которые вдохнули въ рабовладѣльцевъ надежду, что дѣло ихъ не совсемъ еще потеряно. Сенатъ, подтверждая указъ 13 февраля 1819 г., объявилъ, что «киргизы и калмыки доселѣ купленные состоятъ въ двухъ разныхъ положеніяхъ: одни суть, кои куплены до указа 1808 г., а другіе послѣ онаго; первые крѣпки приобрѣтателямъ ихъ по жизни, вторые до 25-тилѣтняго возраста»²⁾. Государственный же совѣтъ, соболѣзнуя о безпомощномъ состояніи дѣтей, продаваемыхъ киргизами изъ-за нищеты и голода, предписалъ сибирскому и оренбургскому начальству, «сообразивъ мѣстныя обстоятельства, положить способъ къ призрѣнію сихъ дѣтей, назначить на сіе потребную сумму, которая, по дешевизнѣ приобрѣтенія, не можетъ быть значительною, размѣщать сихъ дѣтей по селеніямъ къ добрымъ и зажиточнымъ хозяевамъ, опредѣливъ за воспитаніе работные годы, по истеченіи коихъ они должны быть свободными»³⁾. Омскій областной совѣтъ, понявъ, какую выгоду можно извлечь изъ этихъ указовъ, сообразилъ, что если азіатцы останутся въ кабалѣ у крестьянъ, то отъ нихъ можно будетъ брать для работы лицамъ другихъ сословій; совѣтъ положилъ между прочимъ: «къ покупкѣ и вымѣну дѣвочекъ, изъ рода киргизовъ или калмыковъ, пригласить всѣхъ безъ изъятія жителей линіи на собственные ихъ товары или деньги»; мѣстами вымѣна назначены Омскъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ; покушникъ долженъ представлять купленныхъ имъ дѣтей мѣстному начальству, которое, сверхъ объявленной имъ покупной цѣны, будетъ выдавать покушнику награды 10 р. за каждого представленнаго ребенка;

¹⁾ Т.-е. Соборное Уложеніе, гл. IX, § 117; указы 1737 г., ноября 16, § 6; 1744 г. апрѣля 23; 1745 г. іюля 5; 1754 г. мая 13, § 5; 1757 г. января 9; 1781 г. сентября 7; 1815 г. августа 11; Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, § 277.

²⁾ Арх. Г. У. 3. Сиб. 2301.

³⁾ Высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта, 8 октября 1825 г.

⁴⁾ Ук. сената Капцевичу, 30 января 1826 г.

«по вступленіи сихъ дѣтей въ казенное вѣдомство, размѣщать ихъ въ благонадежныя семейства, кои взять пожелаютъ на воспитаніе до замужества; сообразно примѣрамъ прежняго времени, совѣтъ полагаетъ, что каждую дѣвочку можно приобрѣсть въ казенное вѣдомство отъ 2 до 7 лѣтъ за 40—80 р., отъ 7 до 12 лѣтъ за 80—120, а свыше 12 лѣтъ за 120—160 р.»¹⁾ Поэтому совѣтъ положилъ назначить слѣдующую плату за дѣтей:

	Мужск. пола.	Женск. пола.
менѣе 1 года . . .	15 руб.	15 руб.
1 » . . .	20 »	20 »
2 лѣтъ . . .	25 »	25 »
3 » . . .	35 »	30 »
4 » . . .	50 »	35 »
5—7 » . . .	70 »	55 »
7—9 » . . .	90 »	70 »
9—12 » . . .	100 »	90 »

Свыше этого возраста дѣти не принимаются, ибо тогда они могутъ сами снискивать пропитаніе. За воспитаніе опредѣлить заработные годы, полагая оныя съ пятнадцати-лѣтняго возраста по слѣдующему расчисленію:

Возрастъ дѣтей.	Число заработныхъ годовъ.
1 года и менѣе	9 лѣтъ.
2 »	8 ^{1/2} »
3 »	8 »
4 »	7 ^{1/2} »
5 »	7 »
6 »	6 ^{1/2} »
7 »	6 »
8 »	5 ^{1/2} »
9 »	5 »
10 »	4 ^{1/2} »
11 »	4 »
12 »	3 ^{1/2} »

По отысканіи желающихъ взять себѣ на пропитаніе этихъ дѣтей, отправлять ихъ для размѣщенія по линіи по селеніямъ, подъ присмотромъ наемныхъ отъ казны служителей, на обывательскихъ подводахъ безъ прогонъ¹⁾. Совѣтъ главнаго управленія прибавилъ къ этому, что желающимъ принять на воспитаніе этихъ дѣтей должно внушать, что «сверхъ той пользы, какую непременно получатъ они, имѣя ихъ у себя столь долгое время въ работахъ, сдѣлаютъ еще богоугодное дѣло, потому что, приведя ихъ въ христіанскую вѣру и воспитавъ въ страхъ Божіе, они присоединятъ ихъ къ христіанской церкви, а сіе доброе дѣло, какъ въ сей жизни обратитъ на ихъ домъ благословіе Божіе, такъ и въ будущей не оставитъ ихъ безъ достодолжнаго вознагражденія. Эти дѣти обязаны служить хозяевамъ до 25 лѣтъ жизни; по достиженіи ими 18 лѣтъ, а дѣвочки 15 лѣтъ, имѣютъ право вступить въ бракъ. До приведенія же этихъ мѣръ въ исполненіе, положено собрать свѣдѣнія о числѣ лицъ, желающихъ взять упомянутыхъ дѣтей на воспитаніе²⁾. Оказалось, что принять на воспитаніе азіатскихъ дѣтей обоего пола

заявили свое желаніе крестьяне по Тобольской губерніи 237 человекъ, по Томской губерніи 3 человека въ Канскомъ округѣ, до еще и въ Кузнецкомъ округѣ нѣсколько человекъ, по Омской области 338 человекъ³⁾. Но множество крестьянъ, пользуясь трудомъ своихъ кабальниковъ, вовсе не имѣло нужды въ азіатскихъ дѣтяхъ. Вотъ, напр., приговоръ крестьянъ Теплодубровской волости: «Взять киргизскихъ дѣтей себѣ на воспитаніе изъ нашего селенія желающихъ не имѣется, потому что по Теплодубровской волости имѣется русскихъ довольно число у бѣдственныхъ отцовъ семействъ мужескаго пола малолѣтнихъ дѣтей довольно число, отъ которыхъ имѣютъ зажиточные крестьяне дѣтей въ срочныхъ работахъ, и тѣмъ тѣ семейства бѣдственные отъ прожиточныхъ пропитываются и уплатою податей облегчаются». Точно такіе же приговоры дали деревни: Шатасинская, Гузкина, Лапушная, Жартинская, Арлагунская, Курсинская, Степная, Сухменская, Батырева, Яровая, Чулашная, Глубокая и др.²⁾.

Такимъ образомъ рабство пало. Даже проектъ закабаленія киргизскихъ дѣтей крестьянамъ не былъ осуществленъ, потому что дѣла киргизовъ поправились, и они перестали продавать дѣтей. Рабство осталось только въ преданіи, и отъ сибирскихъ стариковъ еще и теперь можно слышать сожалѣніе о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда ребенка можно было купить въ вѣчное владѣніе за какихъ-нибудь 14—20 коп.

Рабство пало, но не совсѣмъ; въ сущности уничтожилась только его особенная форма, а въ формѣ кабалы оно существуетъ въ Сибири до сегодня. Ходитъ душегубка-кабала по этой обширной землѣ, налагая свои цѣпи на каждого встрѣчнаго инородца. Лишь только появится она въ извѣстной мѣстности, какъ всѣ эти многочисленные табуны и стада, эти воды съ ихъ рыбами и бобрами, эти лѣса—съ ихъ соболями и бѣлкой, даже самые инородцы, населяющіе эти улусы,—все это переходитъ въ наслѣдственную собственность кабалителя. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ этюдѣ.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ *).

I.

Положеніе инородцевъ до приѣзда Сперанскаго.

Къ концу XVIII в. вся Сибирь была окончательно покорена и замирена. Періодъ броженія и по-

¹⁾ Рапортъ въ сенатъ генералъ-губернатора, 20 апрѣля 1829 г.

²⁾ Арх. Главн. Упр. Зап. Сиб., № 2301.

*) Главными источниками при составленіи этого очерка мнѣ служили слѣдующіе архивные документы:

а) Дѣло о сибирской язвѣ и о горячкѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1813 г.

б) Дѣло о голодѣ и людоѣдствѣ въ Туруханскомъ краѣ, 1816 г.

¹⁾ Журналъ омск. области. сов., 30 іюня 1826 г.

²⁾ Приказъ Главн. Упр. Зак. Сиб., 14 февр. 1826 г.